

СТУДЕНТ

ЖУРНАЛ АВАНГАРДА СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

I

В номере:

Н. С. Хрущев — Речь в Манеже

Стихи: А. Вознесенский, Е. Евтушенко,
Л. Завальнюк

Е. Евтушенко — Борьба за правду
(Страницы из автобиографии)

И. Вацетис — Ленин в роковые дни

Л. Овалов — Детективный роман

А. Крон — Советский театр

1964

ЗА ДРУЖБУ ВО ВСЕМ МИРЕ!

Леон Саулис, Вильниус 9, Басанавичиус 26-5, СССР.

31 год, юрист, языки: английский, русский, французский, итальянский, немецкий, польский.

Алан Сандерс Buck Side, Caversham, Berkshire, Англия
Переводчик, 26 лет. Интересы: языкознание, литература, музыка. Языки: английский, русский, немецкий.

Таня Осипова, г. Омск 29, ул. Нефтяников 17/А, кв.26 СССР Ученица. Интересы: песни, спорт, фотографии кино-артистов. Язык: русский.

Маргарет Маршал, 56, Doughty St, London W.C.1 — литературная переводчица. 30 лет. Интересы: музыка, путешествия, литература. Языки: английский, французский, русский.

Владимир Кислов, Москва Ц-28, Казарменный Переулок 10, кв. 5, СССР — 24 года спорт, джаз, история, открытки. Языки: английский, русский, польский, шведский, финский немецкий, французский.

Велло Идольф, 117-3 Барбадусе ул., Таллин 16, Эстонская ССР, СССР—27 лет, обмен долгоиграющими пластинками, кино, журналы, открытки, литература, путешествия. Языки: английский, финский, эстонский, русский.

Ингрид Лутз, 22 года, студентка, 118 Bedford Court Mansions. London, W.C.1 — Языки: английский, русский, французский и немецкий. Фотографии, марки.

Виктор Морозов, Владивосток, ул. Пушкина 77, к. 6 СССР. — Студент биологии, русский и английский языки.

Дорогие читатели! Пишите им, сообщайте нам ваши адреса!

СТУДЕНТ

ЖУРНАЛ АВАНГАРДА СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

I

«Поменьше политической трескотни.
Поближе к жизни».

В. И. Ленин, Соч. , т. 28, Стр. 80.

1964

Распространяйте журнал СТУДЕНТ!

Подписываясь на журнал Студент вы получаете его за пол цены!

Вместо денег принимаются международные почтовые купоны.

Журнал СТУДЕНТ выходит 4 раза в течение учебного года. Второй номер посвящается антисталинской советской поэзии. В одном из будущих номеров воспоминания переводчика Сталина на исторических конференциях в Ялте, Тегеране и Потсдаме.

Цена по подписке: 3 рубля в год в СССР, 1 фунт стерлингов в Европе и 3 доллара в Америке.

Статьи, объявления и подписка принимаются по адресу: Flegon Press, 24, Chancery Lane, London, W.C.2

Вышла в свет хрестоматия «Русская Литература XX века» в которую включены произведения символистов, акмеистов, кубо-футуристов, эгофутуристов и т.д. Цена 12 шиллингов и 6 пенсов.

Выпущена также книга Корнея Чуковского о русском языке «Живой как жизнь». Автор советует современным критикам пытающимся лишить поэтов права на дерзания не читать стихов. Цена 6 шиллингов.

Книги высылаются по почте журналом «Студент».

Журнал Студент печатается для всех интересующихся вопросами Советской литературы: для студентов и для специалистов.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ НА ВЫСТАВКЕ ФОРМАЛИСТОВ

Первая продолжительная остановка у картины художника Фалька.

— Мне кажется, что это мазня. Трудно понять, что изображено на натюрморте. Мне, наверно, скажут, что я не дорос до понимания таких произведений. Это обычный довод наших противников в искусстве. Недавно мне Дмитрий Степанович Полянский рассказал, что, когда он выдавал дочь замуж, ей подарили картину с надписью, что это лимон. Там изображены какие-то неясные желтые линии, как будто бы, извиняюсь, маленький ребенок наделал, и пользуясь отсутствием мамы, размазал рукой.

Далее:

— Я не люблю джаз. Когда я слышу джазовую музыку, — это словно колики в животе. Раньше я думал, что это радиопомехи. Я люблю музыку и часто слушаю ее по радио. Я даже сюда шел, имея в кармане маленький японский приемник — они хорошо делают.

Нас недавно порадовал и удивил Шостакович. На заключительном концерте Пленума Союза Композиторов угостил нас трио, которое не совсем было приятно слушать.

Или вот входят в моду якобы новые танцы. Но некоторые из них — неприличные танцы. Извиняюсь, вертят определенным местом. — Непристойно! Это, как мне сказала однажды общественная деятельница Коган, глядя на фокстрот;: «Я двадцать лет замужем и не знала, что это называется фокстрот».

Джаз пошел от негров. Негры знали эту музыку еще в древние времена. А у нас выдают за новость.

Я больше понимаю наши русские танцы, грузинские, армянские танцы. Это хорошие, чудесные танцы.

Мне могут сказать, что вы, мол, не понимаете, что вы отстали, что наших современных художников поймут через

100 лет. Не знаю, что будет через сто лет, но сейчас нам надо взять в искусстве линию определенную и проводить ее в печати и в материальном поощрении, поддерживать настоящее искусство и не давать ни копейки государственных средств на художественную мазню.

Пока я Председатель Совета Министров, мы будем поощрять настоящее искусство и не давать ни копейки на картины, которые пишет осел. Пусть нас рассудит история.

Но пока нас история выдвинула к руководству государством, и мы отвечаем за все, что в нем происходит.

Поэтому мы твердо будем поддерживать линию в искусстве. Должен сказать, что однажды у меня образовался союз с Иденом, когда мы были в Англии. Он показал картину современного абстракциониста, и спросил меня, как она мне нравится. Я ответил, что не понимаю этой картины. Он сказал, что он тоже ее не понимает и спросил, как я смотрю на Пикассо. Я сказал, что не понимаю Пикассо, и Иден тоже сказал, что он не понимает Пикассо.

Далее:

Проходя мимо сатирических рисунков Решетникова и Кукрыниксов, отозвался о них одобрительно, в частности, посмеялся у сатиры Решетникова на художников-абстракционистов.

У картины Андропова, Михаила и Павла Никоновых, Васнецова и Егоршиной.

Художник Серов, показывая на эти картины, особенно на «Плотогоны» Андропова и «Геологи» Никонова говорит:

— Некоторые искусствоведы выдают эти произведения за программные. Мы спорим с ними.

— Правильно делаете.

О картине Никонова «Геологи»:

— Пусть пишет и продает, как хочет. Эта картина нам не нужна, что мы с этой мазней в коммунизм пойдем, что ли? Если за эту картину выплачены государственные деньги, то их надо взыскать с того, кто их выплатил. (Дается справка что, эта картина не приобретена государством).

— Но кто ее заказывает? Зачем заказывали? Ее не надо было вывешивать на Выставке.

Картины должны вдохновлять на подвиг, возвышать

человека, а это что за картина — осел едет на осле.

Нет, такие картины нам не нужны. Пока народ нас держит, пока он нам доверяет, мы будем проводить свою политику в искусстве. И, если появляются такие произведения, то это наша плохая работа, плохая работа идеологической комиссии ЦК и Министерства культуры.

С.А. Герасимов и В.А. Серов — говорят между прочим, что, к сожалению, такого рода картины находят поддержку в печати. Например, в статье Коненкова, опубликованной в Известиях, восхваляется скульптор Неизвестный и некоторые другие формалисты.

Проходя мимо картины Коржевского и Жевадроновой:

— Хорошие картины, особенно вон та, чувствуется сама юность. И далее: — Зачем вывешивать плохие картины? Зачем ложку дегтя в бочку меда?

О картине Кугача:

— Как будто попал в настоящую зиму!

★ ★ ★

После краткого осмотра верхних залов, где выставлены формалисты:

— Что это? Вы, нас, стариков считаете, что мы вас не понимаем?! А мы считаем, что зря деньги на вас расходует. Господа, вы что педерасты или нормальные люди?! Я вам прямо говорю, копейки вам не дадим на ваше искусство. Я заявляю вам, дайте список, кто из вас хочет уехать за границу в так называемый свободный мир?! Завтра же дадим вам заграничные паспорта — уезжайте! У вас нет перспективы в нашей стране. То, что здесь выставлено, можно считать анти-советчиной. Это аморально. Искусство должно возвышать человека, звать его на бой, а вы что представили?! Дайте автора этой картины. Я хочу с ним поговорить. Что делать с этой картиной, горшки накрывать?!

Подходит Желтовский — автор картины, о которой идет речь. — Красивый парень, но как вы могли это написать?! Штаны бы с вас спустить, да крапивой до тех пор, пока не поймете. Как вам не стыдно? Вы педераст или нормальный мужчина?! Хотите за границу — езжайте! Езжайте, до границы довезем бесплатно!, а там поживете в «свободном» мире,

пройдете школу капитализма, и вы тогда узнаете, что к чему. А на это «г...» собачье мы не будем тратить ни копейки. Мы вас имеем право на лесоразработки (послать), чтобы вы отработали то, что на вас затратило государство. О вас столько заботился наш народ, а вы ему «га...-ом» платите?! Говорят, с иностранцами связываетесь, а среди них есть и наши враги.

У картины Грибкова:

— Что это такое?!

Грибков:

— Это 17-й год.

— Тьфу, сколько на вас затратило государство, чем же вы отвечаете ему?! Я бы сказал — идите к чертовой матери за границу. Это ослиное искусство.

Тов. Ильичев, у меня еще большее возмущение вызывает работа вашего отдела. А что делает Министерство культуры?! Вы что миритесь с этим, боитесь критики?

Говорят, некоторые писатели хвалят эти произведения и покупают их. Это потому что гонорары у нас высокие, они это от жира делают.

Подходит Белютин — один из идеологов формалистов.

— Но кто вы такой, кто ваши родители?

Белютин дает ответы.

— Хотите уехать за границу? За счет чего вы живете?

— Я преподаю.

— Как может такой человек преподавать? Надо убрать с преподавательских постов этих господ. К преподаванию в вузах нельзя их допускать. Уезжайте за границу или добровольно или мы вас вышлем. Я не могу об этом говорить спокойно. Я — патриот.

У картины Шортца:

— Как вам не стыдно за эту мазню. Кто ваши родители? Шортц сообщает сведения о родителях, в том числе о том, что мать у него умерла.

— Это несчастье, конечно, что мать умерла, а может быть, это и счастье, что она не видит, чем занимается ее сын. Кому вы хотите служить?! Наши пути разные. Или уезжайте, или перестраивайтесь, но в таком виде на нашей почве вам пути нет.

Кто-то из присутствующих:

— Это художники-графики. Они занимаются работой над этими произведениями в свободное время, чтобы повышать квалификацию (общий хохот).

— Я вспоминаю украинского писателя-сатирика Остапа Вишню. У него в одном фельетоне есть такой разговор: «Вы в бога верите? — и ответ: — на службе не верю, а дома — да». Вот так и с вашей мазней получается.

Я прежде поддерживал дружеские отношения со скульптором Меркурьевым. Это большой человек был. Это был настоящий мужчина. Мы с ним ходили по Дрезденской галерее и он, показывая мне картины голландских художников, говорил, что наши художники говорят, что смотреть их произведения надо отходить дальше.

А вот голландцы писали иначе. Они писали так, что в лупу рассматривать можно и восхищаться. А ваши работы, извините, нужно смотреть только при запоре, при несварении желудка. Они только расстраивают желудок и не вызывают больше никаких других чувств. Обращаясь к Жутовскому:

— Вы хотите нам помогать в нашей работе по строительству коммунизма? Нет, вы хотите, чтобы о вас думали, как о непонятом гении, мол, вы гений, которого поймут через много лет. Вы кривите душой.

У автопортретов Жутовского:

— Внешнего — сходства нет, картина уродливая, а духовное родство оригинала с автопортретом очевидно. Вы обкрадываете наше общество. Вы живете паразитически. Нам надо так организовать наше общество, чтобы видно было, кто полезен и кто бесполезен. Какое вы имеете право жить в квартире, если на ее сооружение затрачен труд настоящих людей, затрачены хорошие материалы?

— Но это эксперименты. Они нам просто помогают искать!

— Глядя на эти эксперименты, я вправе думать, что вы педерасты, а у нас за это дают 10 лет. Вы рехнулись и нас хотите сбить с правильного пути. Нет. Это не получится. Господа, мы вам объявляем войну.

—ooOoo—

ВЕЧЕР НА СТРОЙКЕ

А Вознесенский

Меня пугают формализмом.

Как вы от жизни далеки
Пропахнувшие формалином
И фимиамом знатоки!

В вас, может есть и целина,
Но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
Не столько божьей, как людской,
Чтоб слушали бульдозеристы
Непроходимую тайгой.

Им приходилось зло и солоно,
Но чтоб стояли, как сейчас,
Они — небритые, как солнце,
И точно сосны — шелушась.

И чтобы девочка-чувашка,
Смахнувши синюю слезу,
Смахнувши — чисто и чумазо,

Смахнувши — точно стрекозу,
В ладошки хлопала раскатисто...

Мне ради этого легки
Любых ругателей рогатины
И яростные ярлыки.

РАКЕТЫ И ТЕЛЕГИ

Е. Евтушенко

Телегу осуждать не надо —
телега сделала свое,
но всюду —

 будь она не ладна,
в искусстве вижу я ее.
Гляжу я с грустью на коллегу
и на его роман —

 телегу.

Мы лунник в небо запустили,
а оперы —
в тележном стиле.
О, дух дегтярный, дух рутины!
Висят телеги —

 не картины.

И, грохоча, как бы таран,
телеги лезут на экран.
О вы, кто так телегам рады, —
у вас тележный интеллект!
Вам не ракет в искусстве надо —
телег вам надобно,

 телег.

Искусство ваше и прилежно,
и в звания облачено,
но все равно оно —

 тележно,

и в век ракет обречено!

ТОТ, КТО УЗОК, ТОТ НЕ МАСТЕР

Леонид Завальнюк

Все на месте, все в порядке —
Акварель, карандаши...
Комплекс утренней зарядки,
Упражнения для души.
Он рисует возле Нила
Ярко-красных голубей,
Он рисует крокодила
Голубого голубей.
В чистой зелени лучистой
Солнце белое горит.
Не ругайтесь, колористы,
За ужасный колорит.
Перед вами он пасует,
Но не стойте на посту,
Он не Африку рисует.
Он рисует красоту.
И причем тут звон понятий:
Нет таланта,
Есть талант!..
Мне, чем дальше, тем понятней
Всякий честный дилетант
Я приветствую актера
За лирический кларнет
Я приветствую шофера,
Написавшего сонет.
Я уверен, славя смелость
Неумелого пера,
Завтра будет не уметь,
А гармония мудра.
Не случайно же в болоте
Все увязли до ноздрей,
Кто в засаленной колоде
Тщетно ищет козырей.
Нынче козырь — пятой масти,

Остальные — тлен и мрак!
Тот, кто узок,
Тот не мастер.
Кто не личность,
Тот дурак.
Где-то там, в грядущем мире,
Чтобы много понимать,
Сам философ
Будет гирю
Будет штангу выжимать.
И при чем тут звон понятий:
Нет таланта,
Есть талант!...
Мне чем дальше, тем приятней
Всякий мирный дилетант —
Все, кто вырвался из цисты
Пережеванной трухи.
Так-то, братцы колористы,
Время братья за стихи!

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Художник — герольд своего народа, его боевая труба и первый меч, художник всегда и ненасытно жаждет свободы — в ней красота и правда!

М. Горький

Когда вы смотрите на радугу, или на северное сияние, — вы их тоже ругаете? Ну, например, за то, что радугой нельзя нарубить мяса для котлет, а северное сияние никак не пришить вашей жене на юбку? Или, может быть, вы их ругаете вместе и сразу за полное равнодушие к положению трудящихся классов в Швейцарии?

В. Маяковский

«Искусство, живет и движется вперед исканиями и новаторством. Все крупные художники, были искателями и новаторами, все они вызывали в свое время недоумение и раздражение у людей с «установившимися взглядами».

В. Вересаев, «Редактор и книга», Москва 1962

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ

Евгений Евтушенко

... Мой дед — Ермолай Евтушенко, полуграмотный солдат был одним из организаторов крестьянского движения на Урале и Восточной Сибири. Потом он учился в военной академии, стал комбригом и занимал крупный пост заместителя начальника артиллерии РСФСР...

Последний раз — я пятилетний мальчик — видел его в 38-ом году. Я хорошо запомнил наш с ним разговор.

Дед вошел в мою комнату, когда я уже разделся и лежал под одеялом...

Потом дед стал тихо петь.

Он пел тягучие песни кандалников, песни забастовок, демонстраций, песни гражданской войны.

...Больше я никогда не видел моего деда. Мама сказала мне, что он уехал надолго. Я не знал, что этой ночью он был арестован по обвинению в государственной измене. Я не знал, что моя мама несколько ночей подряд стояла на улице с красивым именем Матросская Тишина вместе с тысячами других женщин, которые тоже хотели узнать живы ли их отцы, мужья, братья и сыновья. Все это я узнал потом.

Я узнал потом, и куда исчез мой дед — сутулый, седобородый математик — латыш по происхождению — Рудольф Вильгельмович Гангнус, по книгам которого изучали геометрию в советских школах. Он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Латвии.

...И мне очень хочется быть Тиль Уленшпигелем, атомного века, в сердце которого, как пепел Клааса, стучит пепел

всех невинно погибших за всю историю человечества; Тилем Уленшпигелем, — который бродит по земле, призывая людей к борьбе за справедливость своей неизысканной, но задорной песней! Тилем Уленшпигелем, которому всегда будут отвратительны инквизиторы любого рода и смешны в своем желании набить брюхо, да поспать поуютнее любые — даже самые симпатические Ламме Гудзаки!

...Четыре строки, написанные им (отцом) в четырнадцать лет, до сих пор поражают меня своей отточенностью:

...Отстреливаясь от тоски
я убежать хотел куда-то,
но звезды слишком высоки
и высока за звезды плата.

...Я был романтическим мальчиком, думающим, что люди страдают только в книгах.

... И, как это ни тяжело признавать, но во время войны русским людям в духовном смысле стало легче, ибо им не нужно было быть неискренними.

... Диктовки в школе мы писали на газетах между строчек военных сообщений. Но я собирался писать роман. Я стащил тогда у бабушки двухтомник Маркса - Энгельса и в течение года исписал его весь между строк. Бабушка мне простила. Она меня погладила по головке и сказала:

— «Ну, теперь ты должен, наверное, стать убежденным марксистом...»

... Письма от него (отца) приходили редко.

Мама была на фронте. Она бросила свою специальность геолога, стала певицей и выступала на фронте перед бойцами.

Меня воспитывала улица.

Улица научила меня ругаться, курить, красиво сплевывать сквозь зубы, и держать наготове кулаки.

Последнее у меня осталось до сего времени.

Улица научила меня ничего и никого не бояться.

Это у меня тоже осталось.

Я понял, что главное в жизненной борьбе — это победить в себе страх перед более сильными (следует описание борьбы с Рыжиком).

... С тех пор Рыжий перестал быть царем улицы.

С тех пор я твердо знаю, что не надо бояться сильных. Надо только найти метод побеждать их. На каждого сильного есть свое джиу-джитсу. С тех пор я так же понял, что, если я хочу быть поэтом, нужно не только уметь писать стихи, нужно уметь их защищать.

... Уже в школе начиналась — конечно только в зародышевой форме — дифференциация моего поколения. За школьными партами сидели маленькие правдоискатели, маленькие герои, маленькие циники и маленькие догматики.

Я уже тогда не любил бездельничающих циников, иронически издевающихся надо всем и всеми, и так же терпеть не мог бессмысленно трудолюбивых тихонь, принимающих все на веру.

... В день иногда я писал по 10-12 стихотворений. Я бомбардировал своими стихами все редакции и неизбежно получал отказы. Представляю, что подумала редакция «Пионерской Правды», получив от школьника такого рода стихи:

Текла моя дорога бесконечная.
Я мчал, отпугивая ночи тень.
Меня любили вы, подружки встречные,
Чтоб позабыть на следующий день.

... Я видел денежную реформу 1947 года. Когда прошел слух о ее приближении люди бросились в магазины, чтобы покупать, покупать, покупать... Я видел человека, грузившего в автомобиль сразу четыре унитаза из хозяйственного магазина, ибо ничего другого в магазине уже не осталось. Я видел вспотевшую от натуги женщину, которая, пыхтя, тащила на себе гипсовую Венеру. Я видел в день объявления реформы старика, который бежал по улицам и истерически крича что-то, разбрасывал деньги по асфальту и топтал их ногами.

Засунув замерзшие руки в карманы женского пальто, я смотрел на этих людей презрительным взглядом революционера.

... И мне казалось странным и непонятным то обстоятельство, как некоторые люди, носившие в карманах даже партийные билеты, так любили деньги.

...Я помню, как отец моего соученика, занимавший важный пост в каком-то торговом учреждении, однажды важно изрек слова Ленина: — При коммунизме из золота мы построим уборные.

Мне очень понравились эти красивые слова. Но в день денежной реформы отца моего соученика, цитировавшего эти слова, нашли застрелившимся рядом с распоротым матрасом, который был набит обесцененными деньгами.

Постепенно ко мне приходило понимание того, что некоторые люди, называющие себя коммунистами и охотно цитирующие Ленина и Сталина на самом деле коммунистами не являются.

Говорить о коммунизме и иметь партийные билеты в кармане для них было не идейной убежденностью, а лишь формой существования.

Позднее я написал о таких людях в поэме «Считайте меня коммунистом!»:

«Им, кто юлит,
 усердствуя,
 врет на собраниях власть,
 не важно,
 что власть —
 советская,
 а важно им,
 то, что власть...»

... Мне стыдно за Сталина, хотя и не только за него. Как можно было не доверять народу, так безгранично верившему в коммунизм и распространявшему эту веру на Сталина и на находившихся рядом с ним?

Ну хорошо, не будем больше говорить о 37 годе. Но неужели народ, так героически сражавшийся после того, что с ним произошло в 37 году и затем так героически восстанавливавший свою страну из руин и пепела, не заслужил доверия?

Война окончилась, но многие вчерашние победители снова подвергались подозрительному надзору, а иногда и репрессиям. Я, разумеется, не мог масштабно осмыслить тогда всего этого, но многое все-таки замечал, и это нечто неосознанное выражалось в анархическом школьном бунтарстве.

Я сражался в школе с ябедами, подхалимами, любимчиками.

Я быстро снискал себе репутацию хулигана. После седьмого класса меня перевели в новую школу, куда учителя сбывали с рук нерадивых учеников со всей Москвы. В ней я проучился недолго, ибо я выделялся даже там своими мятежами.

Однажды кто-то, взломав ночью кабинет директора, похитил все классные журналы.

Состоялось общее собрание.

Шесть часов подряд директор пытался узнать то при помощи просьб, то при помощи угроз имя виновника. Но все молчали.

Тогда пухлый палец директора, уже пришедшего в ярость, ткнул в меня:

— Это сделал ты! —

Я встал и ответил, что он ошибается.

— Ты! Ты! Ты! — повторял директор.

Я понял, что возражать бесполезно.

На следующий день я был исключен из школы.

Только семь лет спустя, когда меня пригласили на вечер всех выпускников этой школы, как уже более или менее известного к тому времени поэта, раскрылось кто был истинным виновником.

Конечно меня заподозрить было естественно, потому что учился я вообще из рук вон плохо и в день происшествия получил 1 (кол) по немецкому.

Но на вечере ко мне подошел парень, который был редким в нашей школе круглым отличником, и сказал, неловко улыбаясь:

— А ты знаешь, — журнал-то ведь я . . . —

Выяснилось, что он был тогда недоволен тем, что получил 5 с минусом.

Я с горечью подумал тогда, что так часто в жизни преступления совершают «круглые отличники», и никому в голову не приходит их заподозрить, а вместе с тем отвечают за это почти всегда невинные люди со сложившейся репутацией «двоечников и хулиганов...»

Я некоторое время пытался скрыть от мамы факт своего

исключения из школы, зная, как это ее огорчит, но мне это не удалось.

... Я поссорился с мамой и бежал в Казахстан, к отцу на крыше поезда. Мне было пятнадцать лет.

... Я стал рабочим в геологоразведочной экспедиции.

Я научился долбить землю киркой, выкалывать молотком из породы плоские как ладонь образцы, расщеплять бритвой на три части оставшуюся единственную спичку, и разводить костер во время дождя...

Я перестал быть брезгливым.

У нас в экспедиции был повар-казах.

В его обязанность входило ездить каждый день на старой кляче с деревянной бочкой за водой к реке, находившейся в 7-8 километрах от наших палаток. На этой воде он варил суп и кашу из концентратов, эту воду мы пили возвращаясь, этой водой умывались и в этой воде стирали наши рубахи.

Каждый день мы уходили, когда солнце поднималось, и возвращались к палаткам, когда оно уже садилось. Целыми днями мы блуждали под раскаленным солнцем по безводной казахстанской степи, отыскивая минералы, и к концу дня уже сгибались под рюкзаками. Я помню, что сначала у меня на спине были кровавые раны от острых краев камней, потом уже затвердевшие бугры мозолей. И тем не менее мы возвращались только тогда, когда рюкзаки были набиты. Но однажды мы все не выдержали и решили возвратиться домой пораньше.

Солнце палило беспощадно.

Наши фляги были пусты и губы пересохли...

Мы возвращались и сладострастно представляли себе, как придем и будем долго-долго пить воду, зачерпывая ее ковшом из бочки.

И вдруг вдали за холмом послышалась какая-то странная песня. Мы переглянулись и ускорили шаг. Обогнув холм, мы увидели нашу клячу, тихонько тащившую за собой телегу с бочкой. Клячей, казалось, никто не управлял. Откуда же раздавалась песня?

А песня звучала все громче и громче.

И вдруг мы увидели, что из бочки торчит голова нашего повара. Сидя в прохладной воде среди тридцатипятиградусной жары повар плескался, как дитя, и наслаждался жизнью.

От полноты ощущений повар пел гортанную песню радости и торжества.

Мы не сказали друг другу ни слова. Мы сосредоточенно и мрачно пустились бежать к бочке.

Повар, увидев нас, закрыл глаза от ужаса.

Мы вытащили его из воды во всей его первозданной прелести. Мы не били его. Мы только трясли его за плечи и спрашивали: — Ты все время это делал, сволочь, или только сегодня?

— Только сегодня! Только сегодня! — твердил повар, стуча в страхе зубами.

Мы выпустили повара из рук.

Мы смотрели на воду, раздираемые надвое отвращением и жаждой. Река была далеко и ехать за водой сил уже не было. Потом один из нас сказал угрюмо:

— Ладно, все-таки это вода...

И опустил в бочку флягу. После он запрокинул флягу и стал жадно пить. Пил и я...

Жизнь вышибала из меня интеллигентскую щепетильность.

Но эта жестокая суровая жизнь учила меня и вере в людей.

Я помню, как однажды обнаружил, что завшивел. Вся моя одежда была покрыта отвратительными насекомыми. Я не знал, что делать от отчаяния.

Я убежал в степь и залез в старый заброшенный шурф. Я снял с себя всю одежду и принялся уничтожать вшей.

Где-то высоко надо мной шуршали травы, звенели птицы и покачивались облака. А я, ненавидя себя, голый, одинокий, содрогаясь от холода и гадливости на глубоком дне шурфа рядом с презрительно глядящими на меня лягушками.

Я не мог переменить одежду — потому, что у меня больше ничего не было.

И вдруг я вздрогнул. В шурфе почему-то стало темнее. Я поднял голову и увидел наверху в четырехугольном вырезе стоящую у края шурфа босую молодую крестьянку с коромыслом через плечо. Я отпрыгнул к стене шурфа, как будто желая слиться с землей. И от стыда зарыдал, закрывая лицо руками.

Но вдруг услышал рядом мягкий стук. Крестьянка спрыгнула вниз.

Крестьянка отняла мои руки от лица.

Из под длинных черных ресниц с нежностью, которая выше всякой жалости, смотрели на меня синие-синие глаза.

— Чего ты плачешь, глупенький? — спросила крестьянка. — Пойдем со мной...

Я кое-как оделся и расстерянно опустив голову, пошел за ней. Крестьянка затопила баню, вымыла меня, как ребенка, выпарила всю одежду и уложила спать.

Ночью когда я лежал на деревянном тапчане под тулопом, она подошла ко мне в одной рубашке и присела на край топчана. — Ты уже успокоился глупенький? Разве же можно так... Ты людей не бойся. Люди всегда помогут, если беда какая.... —

Крестьянка погладила меня по голове. Я инстинктивно отстранился и опять зарыдал. Я казался себе теперь противным для всех.

И крестьянка удивительным женским чутьем угадала мои ощущения.

— Вот те-на... Небось, вдолбил себе в голову, что ты теперь противный... Ничего ты не противный...

Крестьянка приподняла тулуп и скользнула под него, прижимаясь ко мне своим крепким телом, пахнущим чистым березовым духом бани.

Я не забуду ее никогда.

С тех пор я знаю, что все ценности в мире более или менее сомнительны, но самая главная ценность, которая существует в жизни — это нежность.

... Футбол меня многому научил.

Впоследствии я стал играть вратарем и это научило меня не только нападать но и зорко следить за малейшими движениями противников и предугадывать, когда эти движения обманны.

Это в последствии помогло мне в моей литературной борьбе.

Мне предсказывали блестящую футбольную карьеру.

... В футболе во многом легче. Если ты забил гол, то есть прямое доказательство — мяч в сетке. Факт, как говорится, неоспорим. (Правда, и тут судьи могут не засчитать гол — но все-таки это исключения). Если ты забиваешь поэтический гол, то чаще всего раздаются тысячи судейских свистков,

объявляющих этот гол недействительным, и доказать ничего невозможно.

И очень часто удары мимо ворот официально объявляются голами.

Спорт, несмотря на все махинации и грязь, вообще более чистая штука, чем литература.

И мне иногда очень жаль, что я не стал футболистом.

А я им чуть-чуть не стал.

... Твардовский наоборот казался мне слишком упрощенным, лубочным. И опять же Барлас с терпением объяснил мне, что в его безискусственности есть своеобразная тонкость и самое главное — всегдашняя серьезность.

...—Женя, главный редактор в панике — неловко улыбаясь, сказал Тарасов-обнаружилось, что в ваших стихах нет ни слова о Сталине... А снимать уже поздно.

— Что же делать? спросил я.

— Знаете, Женя, чтобы вас не мучить — я сам за вас написал четыре строчки.

— Ладно, валийте — весело сказал я. Мне было все едино — со Сталиным и без Сталина. Я был настоящим мальчишкой.

Однажды в газете «Труд» появилось одно мое стихотворение. Я увидел в нем не принадлежащие мне строки о Сталине. Я пошел в редакцию скандалить.

— Это мы сделали, чтобы стихи прошли — примирительно сказали мне в редакции. — Что тут страшного!

... Вскоре я очень хорошо усвоил: чтобы стихи прошли, в них должны быть строчки о Сталине. Это мне казалось даже естественным. Теперь мне уже не надо было вписывать эти строчки — я писал их сам.

... В 1952 году вышла моя первая книжка «Разведчики грядущего», изданная в голубенькой обложке соответствующей ее содержанию. Пресса встретила книгу весьма похвально, но зайдя в книжный магазин, я увидел ряды моих «Разведчиков грядущего» в целомудренной неприкосновенности.

... Вернувшись домой, я перечитал заново мою книгу, и вдруг с предельной отчетливостью понял, что она никому не нужна.

... И я подумал, о том, что никакой, даже гениально выписанный иллюзорный мир не может быть прекраснее реального

мира, строящего, борющегося, страдающего, плачущего и целующегося. Мне было стыдно и горько за свою вину перед этим миром.

Блуждая, я вышел к Москва-реке. Встав на мосту, я полез в карман за сигаретами и вдруг нащупал толстую пачку денег, полученных мною именно сегодня за книгу.

Я выхватил эти деньги и бросил их вниз. Деньги, кружась и переворачиваясь, полетели в холодную темноту. Конечно, все это было мальчишеством. Но мне хотелось освободиться от платы за неправду. Теперь карманы мои были пусты.

Карманам моим долго еще суждено было оставаться пустыми.

... Поэзия была не популярна. Старые поэты молчали, а если иногда и писали — это было хуже молчания. Поэтическое поколение, родившееся на гребне войны и подававшее большие надежды, сникло. Мирная жизнь оказалась сложнее фронта. Крупнейшие русские поэты — Заболоцкий и Смеляков были в лагерях. (Их стихи печатаются во 2-м номере Студента — А Ф) Выслан был и молодой поэт Мандель (Коржавин). Не знаю, останется ли его имя в русской поэзии, но он останется безусловно в истории русской общественной мысли. Это был единственный поэт, который при жизни Сталина написал и открыто читал стихи против Сталина. То, что Мандель (печатается во 2-ом номере Студента — А. Ф..) читал их — его, видимо, и спасло ибо поэта по всей вероятности сочли ненормальным и всего — навсего выслали.

А там в Москве, в пучине мрака
в шинели, он смотрел на снег
непонимавши Пастернака
суровый жесткий человек.

Замечательного поэта Леонида Мартынова после опубликования о нем статьи под заглавием «Нам с вами не по пути, Леонид Матрынов», несколько лет не печатали (см. Студент № 3). Пастернак и Анна Ахматова занимались переводами. Поэтические вечера были редкостью и не привлекали внимания публики.

Некоторые поэты писали стихи, рассчитанные не на успех у читателей, а на получение сталинской премии.

Однажды случайно я попал на заседание президиума Союза писателей, посвященное выдвижению кандидатов на премию. Меня буквально потрясла почти коммерческая основа обсуждения.

Мне показалось, что здесь забывают о самом главном в литературе — нужны ли обсуждаемые книги людям? Я помню, как вдруг поднялся с места Твардовский и с раздраженностью пристыдил ораторов, славословящих по адресу одного поэта:

— Да на что вы время тратите! Такие стихи я могу любого деревенского теленка обучить писать!

...Сталинская премия означала многое: немедленное переиздание огромным тиражом, портреты и восторженные статьи во всех газетах, какой-нибудь официальный пост, получение в неочереди машины, квартиры, и, может быть дачи. Поэтому многие люди плевали на то, читают их премированные книги или нет — их волновал сам факт премий.

... А в то время, когда в Союзе Писателей шла суетливая возня вокруг золотых и серебряных медалей, по Москве чеканно военной походкой ходил прекрасный поэт Борис Слуцкий (см. Студент № 2), напечатавший только одно стихотворение, да и то в сороковом году. И, как ни странно, он был спокойней и уверенней всех нервничающих кандидатов в лауреаты. Оснований для спокойствия у него как-будто не имелось. Несмотря на 35 лет он не был принят в Союз Писателей. Он жил тем, что писал маленькие заметки на радио и питался дешевыми консервами и кофе. Квартиры у него небыло. Он снимал крошечную комнатуху. Его стол был набит горькими, суровыми, иногда по-бодлеровски страшными стихами-перепечатанными на машинке, которые даже бессмысленно было предлагать в печать. И тем не менее Слуцкий был спокоен. Он всегда был окружен молодыми поэтами и вселял в них уверенность в завтрашний день. Однажды, когда я плакался ему в жилетку, что мои лучшие стихи не печатают, Слуцкий молча выдвинул свой стол и показал мне груды лежащих там рукописей.

— Я воевал — сказал он — и весь прошит пулями. И воевал я не за то, чтобы эти стихи лежали в столе. Все перемнется. Наш день придет. Нужно только уметь ждать этого

дня и кое-что иметь к этому дню в столе и в сердце. Понял?! —

Я понял.

... Теперь, когда с той поры прошло десять лет, я понимаю, что главное преступление Сталина вовсе не в том, что он арестовывал и расстреливал. Главное преступление Сталина — моральное растление душ человеческих.

... Никогда не забуду, как люди шли к гробу Сталина. Я был в толпе на Трубной площади. Дыхание десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев. Это было жуткое фантастическое зрелище. Люди, вливавшиеся сзади в этот поток напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот. Я увидел, что меня несет на столб светофора. Столб светофора неумолимо двигался на меня. Вдруг я увидел, как толпа прижала к столбу маленькую девушку. Ее лицо исказилось отчаянным криком, которого не было слышно в общих криках и столах. Меня притиснуло движением к этой девушке и вдруг я не услышал, а телом почувствовал, как хрустят ее хрупкие кости, разламываемые о светофор. Я закрыл глаза от ужаса, не в состоянии видеть ее безумно выкаченные детские голубые глаза.

И меня пронесло мимо. Когда я открыл глаза, то девушки уже не было видно. Ее, наверно, подмяла под себя толпа. Прижатый к светофору, корчился какой-то другой человек, простирая руки, как на распятии. Вдруг, я почувствовал что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги и так меня понесла толпа. Я долго боялся опустить ноги. Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас лишь мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы были сдавлены с одной стороны стенами зданий, с другой стороны, поставленными в ряд военными грузовиками.

— Уберите грузовики! Уберите! — истошно вопили в толпе.

— Не могу, указания нет! — растерянно кричал молодой белобрысый офицер милиции с грузовика, чуть не плача от отчаяния. И люди, швыряемые волной движения к грузовикам, разбивали головы о борта. Борта грузовиков

были в крови. И вдруг я ощутил дикую ненависть ко всему что породило это «указания нет», когда из-за чьей-то глупости погибали люди.

... И не случайно все тираны России боялись поэтов, как самых опасных политических врагов. Они боялись Пушкина, потом Лермонтова, потом Некрасова. Некрасов провозгласил когда-то лозунг, не потерявший актуальности до сегодняшнего дня:

Поэтом можешь ты не быть,
но гражданином быть обязан!

И даже Блок, этот чародей интимной лирики, вдруг забывал про вечную загадку природы — женщину и голосом пророка говорил о своем народе. И, наконец, в Маяковском все это воплотилось гигантски и революционно:

Я хочу что б к штыку приравняли перо...

Слово ««поэт» в восприятии русского человека звучит, как «воин». Поэты России всегда были воинами за будущее своей родины, за торжество справедливости. Поэты помогали России думать. Поэты помогали России бороться против тиранов.

И после смерти Сталина, в момент тяжелейших внутренних переживаний России во мне утвердилось понимание, что я не имею права заниматься возделыванием японского садика интимной поэзии.

... Писать только о природе, о женщинах и о мировой скорби, в тот момент, когда твоему народу тяжело — почти аморально. А Русскому народу было тяжело.

... Я видел хищное по-ястребинному лицо Берия, закутанное в кашне, когда он принимал к стеклу машины, медленно ехавшей вдоль тротуара в поисках очередной женщины. После этого тот же самый человек обращался к народу патетически говоря о коммунизме. Пуля всаженная в Берия, была справедливостью, но такой запоздавшей! Справедливость, к сожалению, это тот поезд, который почти всегда опаздывает.

...в 56 году была опубликована моя поэма «Станция Зима». Поэма подверглась жестокому разному в письме одного старого большевика, опубликованном в «Комсомольской Правде». ... Автором статьи я обвинялся в безверии. Но тысячи писем, пришедших из разных концов страны убедили меня, что люди

поняли мою поэму, как призыв к вере. И это было для меня главное.

Вышедшую вслед книгу «Шоссе энтузиастов» не баловали рецензиями. Но отсутствие ее на полках книжных магазинов было для меня самой лучшей рецензией.

Открывавший первый номер журнала «Молодая Гвардия» за 1957 год цикл моих стихов о борьбе с культом личности чуть было не подвергся выдирке из уже отпечатанных экземпляров. Цикл разгромили, как «нигилистический». В день опубликования ругательной рецензии ко мне пришла телеграмма с борта находящегося в море судна: «Читали ваши стихи. Так держать! — коллектив моряков».

Так что я не вешал носа.

В начале 57 года начались общественные обсуждения романа Дудинцова «Не хлебом единым». На первом обсуждении ораторы называли автора чуть ли не Львом Толстым. Мне это не понравилось, потому что в этой книге я видел много художественных погрешностей, хотя там много превосходно написанных публицистических страниц. Но спустя некоторое время состоялось новое обсуждение, на котором автора из Льва Толстого переквалифицировали некоторые ораторы чуть ли не в агента империализма. Я выступил в защиту Дудинцева, как советского человека и, как моего товарища.

Через несколько дней меня исключили из Литературного института за нерегулярное посещение лекций, хотя, если говорить начистоту — в течение всех четырех лет я тоже особенно регулярно их не посещал. Затем меня исключили из комсомола, даже не поговоривши со мной, за «отрыв». Настроение у меня было неважное. Огромную роль для меня в это время сыграла встреча с поэтом Ярославом Смеляковым, вернувшимся из лагерей. Он сидел уже третий раз.

... Я продолжал работать, ощущая заботу своих поэтических друзей — Щипачева, Смелякова, Луконина, Антакольского, Межирова, Винокурова, замечательных художников — Ю. Васильева, З. Неизвестного, и заботу читателей, выражавшуюся в письмах или трогательных подарках.

Меня восстановили в комсомол. После этого на протяжении четырех лет я был секретарем комсомольской организации

Литературного института. Меня продолжали ругать критики.

На меня навешивали ярлыки «альковского лирика», «идейного вождя духовных стилиг», «буржуазного декадента», «певца грязных простыней», «смакователя темных сторон жизни», «псевдо-революционера» и т. д.

... Потом Пастернак читал стихи, немного раскачивая головой из стороны в сторону и растягивая слова. Это была недавно написанная «Вакханалия».

При строчках:

Но для первой же юбки
он порвет повода,
и какие поступки
совершит он тогда!

он озорно посмотрел на свою жену, нервно теребящую край скатерти и как-то весело вздохнул от сознания своей шалой молодости, все еще бродящей в нем.

... Можно ли писать абстрактные картины и быть коммунистом?

Через несколько лет на Кубе один из руководителей кубинской революции Фауре Чомон рассказал мне следующую историю.

Перед атакой на дворец Батисты группа революционеров собралась в небольшом доме. Революционеры провели в этом доме несколько дней, ожидая приказа. Каждый занимался своим любимым делом, кто играл в шахматы, кто писал стихи, кто читал. Среди революционеров были два художника — реалист и абстракционист. Они писали картины, и яростно (ввиду особых условий — шопотом) спорили и даже чуть не подрались. Но когда был получен приказ, и абстракционист и реалист пошли в бой за будущее своего народа и вместе погибли. Я очень хотел бы, чтобы эту маленькую историю узнали те догматики, которые слишком поспешно всех современных художников зачисляют в лакеев буржуазной идеологии.

... На стенах моей квартиры теперь висят и реалистические, и экспрессионистические, и сюрреалистические и абстрактные картины. И они не ссорятся друг с другом. И не вселяют в меня буржуазную идеологию.

... Все, что порожденно жизнью, и что задевает душу

человеческую — для меня реализм, даже если на холсте не изображены реальные люди, дома, деревья. А если на холсте — реальные люди, дома, деревья, но все это безжизненно и проходит мимо души, то именно это ничто иное, как абстракционизм.

И так, я стою за новое значение понятий «реализм» и «абстракционизм», и в этом смысле я против абстракционизма.

... На одном заводе я выступал во время обеденного перерыва. Рабочие и работницы, забыв про бутерброды и кефир, слушали меня около часа. Когда прозвучал гудок, и им нужно было идти к своим станкам, то одна пожилая усталая женщина, вытирая рукавом спецовки глаза, сказала мне:

— Почитай еще, миленький... А мы уж потом отработаем лишний час... — Эти слова для меня были выше всех наград.

Потом эта работница подошла ко мне и тихо сказала:

— Пиши только правду, сынок, только правду... В себе ищи правду — и в народ ее неси. В народе ищи правду — и в себя ее вкладывай... —

Эти слова стали для меня может быть самым главным в жизни. Некоторые критики меня пытались изобразить как скандального поэта, на вечера которого собираются истерические девицы без определенных занятий и стиляги. Но мои вечера никогда не были скандальными. Если на них иногда ломали окна и двери, и дежурили усиленные отряды милиции, чтобы охранить порядок, то это просто потому, что залы становились слишком тесны. У меня было весьма двусмысленное положение. С одной стороны меня обливали грязью, с другой стороны осыпали аплодисментами. Можно было слегка помешаться. Но внутренний голос мне всегда говорил: «Тебя ругают — это не опасно. Тебя любят — это опасней.»

...И когда я был в моих путешествиях, где-то в столице про меня попрежнему выходили статьи, как про поэта оторвавшегося от народа.

Однажды после долгих плутаний по тайге, небритый, оборванный, я без копейки денег в кармане пошел к секретарю горкома комсомола в Комсомольске на Амуре и назвал свою фамилию. Он вытаращил глаза.

— Не может быть, что это вы! —

Секретарь горкома протянул московскую газету, которую

он в это время читал. В газете было написано, что я «вождь духовных стилиг», и «кумир нетребовательных девиц».

... Я получил на «Быбий Яр» около 20 тысяч писем, и лишь 30-40 из них были написаны в агрессивном тоне.

... Когда я написал стихотворение «Наследники Сталина» и стал его читать, то кое-кто распространял слухи про это стихотворение, как про антисоветское. Эти люди увидели самих себя в этом стихотворении и испугались быть узванными. Редакции не решались публиковать его. Но никто не смел мне запретить читать его, потому что слушатели на выступлениях сами выкрикивали его название. И я не хныкал, что стихотворение целый год не мог опубликовать. Я знал — это слушается.

... И я горд, что я не наблюдатель, а участник в этой героической борьбе моего народа за будущее.

И мне хочется думать, что у меня еще все впереди, как еще все впереди у моего народа.

(Отрывки из «Примечания к автобиографии» которая печатается на русском языке фирмой «Флегон Пресс» в Лондоне и Е. П. Даттон в Нью-Йорке)

—ооОоо—

Вопрос: Может ли слон надорваться?

Ответ: Да, если попробует поднять вопрос сельского хозяйства.

★ ★ ★

Московский «толкач» Андриюшкин побывавший в командировке в разных союзных и автономных республиках, пришел к заключению что еда в столовых является национальной по форме, но социалистической по содержанию.

★ ★ ★

Журнал «Студент» организует литературный конкурс. Условия конкурса будут опубликованы во втором номере.

КАК ЛАТЫШИ СПАСЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

И. И. Вацетис

Нижеприведенный отрывок был напечатан впервые в 1927 г. Его автор, Иоаким Иоакимович Вацетис родился в Латвии в 1873 г. В 1909 г. он окончил академию генерального штаба. В первой мировой войне занимал должность командира 5-го латышского полка. Погиб в 1938 г. в период культа личности вместе с Блюхером, Дыбенко, Беловым и многими другими коммунистами.

★ ★ ★

Утром 6 июля 1918 г. в Москве было все спокойно. Не было особых признаков тех больших событий, которые разыгрались после полудня.

Около 4 час. дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем заранее сосредоточенные левыми эсерами в Трехсвятительском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погребе Дзержинского, его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилось серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прошьян. Первый состоял помощником ВЧК, а второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переулка, где в особняке Морозова поместился штаб повстанцев и левоэсеровское «правительство», части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о левоэсеровском восстании. 6-июля пополудни я находился в помещении технической редакции на Садово-Кудринской. Около 5 час. адъютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к подъезду подъехал автомобиль. Из него вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать в Александровское Училище. На мой

вопрос, кто меня вызывает и по какой причине, я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, разъезжавшие, на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у подъезда того флигеля, в котором ныне находится Высший военный трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня провели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и комвойск округа. У стены, подальше от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором был разложен план города Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением комвойск:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное?

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом не терпящим возражений:

Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили:

— Главным образом на полки Латышской дивизии; прочие войска малонадежны.

Задаю вопрос:

— А где войска левых эсеров?

Подвойский указал на плане Трехсвятительский переулок.

Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрерывно входящих в комнату и выходявших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что организованной работы еще нет.

Для командования войсками мной было предложено вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и комвойск говорили, что повстанцы заняли Трехсвятительский переулок и

там укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по реке Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего, надо крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе, так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространиться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войсками же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах. Прибывшему комбригу Дудину были даны в этом духе первые распоряжения; кроме того, я поручил ему объехать все латышские полки и расположить их следующим образом: 1-й полк с батареей — у храма Христа Спасителя (у нас к стати, были сведения, что левые эсеры, помимо Кремля наметили себе также овладение зданием Наркомвоена в Лесном переулке), 3-й полк при двух орудиях оставить на месте, 2-й полк немедленно вызвать из лагерей и направить на Страстную площадь, а 9-й полк оставить в Кремле.

Состояние Московского гарнизона. Войска Московского гарнизона Подвойский и штаб округа разделили на три категории. Первая категория — войска, безусловно преданные большевистской партии. Вторая категория — войска, объявившие нейтралитет. Третья категория — войска, которые перейдут на сторону противника.

К первой категории были отнесены латышские стрелки и формирующийся при Латышской дивизии образцовый полк, курсанты пехотной инструкторской школы (80 человек) и курсанты двух артиллерийских школ, при четырех орудиях.

Был ли левозсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Недели три до восстания, мной как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор пока таковые ордера требовали отправки

сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до восстания я получил ордер от Александровича :отправить немедленно один батальон 1-го полка в Нижний Новгород, в распоряжение исполкома.

Распоряжение это мной было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение Советской власти там считалось прочным, и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона 2-го полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июля на Восточный фронт. Но я запротестовал, и мне удалось остаться на должности начальника Латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставлял меня быть начеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Товарищ Петерсон немало был удивлен моими соображениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и современность опасений: товарищ председатель ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, по-видимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались лишенными воинских частей.

В отношении времени момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционные народные гулянья. Так же и в этот

день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми. Возвратившийся командир 1-й бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступительные действия на 7 июля.

Мое назначение руководителем операции по подавлению левоэсеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался морозовский особняк в Трехсвятительском переулке.

Было сообщено что квартировавший в Покровских казармах полк Московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дулина еще больше усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность для руководства действиями в столь большом городе, как Москва.

Подвойский и комвойск своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание это, я заявил, что так как будут действовать главным образом полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль и в результате переговоров командование было поручено мне.

План действий. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание штаба округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было наличе войск. Сведения о действиях левых эсеров были неполные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся барикады, перекапываются улицы, выставляются проволочные заграждения. Левоэсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Язу, и казалось, что они готовят штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для

левых эсеров, и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то его едва ли удалось бы удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна так как у нас не было войск для контратаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

9-й латышский полк был сформирован в ноябре 1917 г. из людей всех латышских полков и предназначался для охраны Смольного. В состав Латышской дивизии был включен после длинных переговоров, так как состав полка считал для себя нежелательным обратиться в обыкновенную боевую часть. Присвоив себе наименование «Коммунистический полк», стрелки слышать не хотели о том, что им дано название «9-й латышский стрелковый полк». Занятия в полку не производились. Полком управлял полковой комитет, в состав которого входил и командир полка. Фактическим хозяином полка являлся председатель полкового комитета, который власти начальника дивизии над собой не признавал.

Итак, от ликвидации левозэсеровского мятежа ночной контратакой пришлось отказаться по той простой причине, что собрать для этого войска было невозможно. Наступление пришлось отложить на 7 июля.

...Из состава 9-го латышского стрелкового полка были высланы две роты на центральную телефонную станцию, чтобы очистить здание от левых эсеров.

Но названные роты действовали крайне неискусно, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулочек; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль для доклада о положении в городе.

Проезжая вместе с тов. Данишевским в закрытом автомобиле по Лесному переулку мимо здания Наркомвоен, мы увидели, что к храму Христа Спасителя уже подошли некоторые части 1-го латышского стрелкового полка.

По-видимому, в Кремле нас ждали, так как везде были заготовлены пропуска и нигде никаких остановок не было. Наш автомобиль подъехал к зданию Совнаркома. Нас провели в зал заседаний Совнаркома и просили подождать. Данишевский прошел к Ленину, который был у себя.

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напоминала мне прифронтовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

— Товарищ, выдержим до утра?

Задав вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не был готов.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого объеду город, соберу нужные сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: «Я вас буду ждать», — ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Положение к двум часам 7 июля. К этому времени наше положение значительно окрепло: у храма Христа Спасителя собрался 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и образцовый полк. На Страстную площадь прибыл 2-й латышский стрелковый полк, при двух артиллерийских школах курсантов, с 4 орудиями.

Сведения о действии левых эсеров были крайне скудные

и сбивчивые, никто не мог дать более или менее определенных данных о группировке их сил. Точными были лишь данные о том, что их штаб расположен в особняке Морозова. Все-таки одно весьма веское обстоятельство было налицо, а именно: левозсеровские вожди пропустили момент для решительных действий, и без больших жертв они уже не могли победить в городе, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в решительное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

О настроении рабочей массы сведений собрать мне не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где я стоял первый раз. Тов. Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: «Не позже 12 часов мы будем победителями в Москве».

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали». Затем пригласил меня садиться, он сам сел рядом и предложил мне рассказать ему, что происходит в городе, в каком положении наши войска и что делается у левых эсеров.

Я рассказал все, что было известно, как о противнике, так и о наших войсках. Товарищ Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения Московского гарнизона и латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди последних эсеровской агитации. На все вопросы я дал совершенно определенный ответ, чем, повидимому, тов. Ленин остался доволен. Я изложил ему также намечавшийся план действий.

...Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседанием. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были произведены по крышам и балконам. Оглушитель-

ные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания, они бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

Ком. Дудину было приказано организовать преследование.

Около 15 час. я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стрелковый полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскиали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылаясь на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что он не уполномочен на такие распоряжения, и сказал, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Товарищ Подвойский покачал головой и, по-видимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой военной коллегии и являлся одним из народных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли во дворе и ожидали решения. Наконец появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования, так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. .

После ликвидации восстания Народным комиссаром по военным и морским делам был издан приказ о расследовании поведения войск Московского гарнизона.

*Журнал война и революция, 1927,
№ 10—11, стр. 95—108.*

МЕДНАЯ ПУГОВИЦА

ЛЕВ ОВАЛОВ

Детективный роман

1

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Медная пуговица, простая медная пуговица — это все, что осталось мне на память о тех необыкновенных и трагических событиях, свидетелем и участником которых мне случилось быть...

Вот я выдвигаю ящик своего письменного стола, беру в руку эту медяшку, и передо мной возникает облик женщины, — таких не часто приходится встречать в жизни.

Множество загадочных обстоятельств сопровождало моему знакомству с такой странной и необычной женщиной, какой была Софья Викентьевна Янковская.

Она не была красива, особенно в общепринятом понимании: черты лица ее были неправильны, фигура далеко не безупречна. И, тем не менее, она нравилась мужчинам, во всяком случае многие из них шли на всякие компромиссы ради сохранения ее благосклонности...

Представьте себе женщину несколько выше среднего роста, темную шатенку, так что в сумерках волосы ее казались даже черными, с продолговатым лицом, с высоким, почти мужским лбом и с глазами какого-то монгольского рисунка, они имели неопределенный серый цвет, но иногда, особенно в минуты волнения, явственно зеленели, и при всем этом их всегда отличал неизменно холодный блеск. И если в верхней половине ее лица было что-то мужское, вся нижняя часть лица была совершенно женская. Нос ее, мало гармонировавший с продолговатым овалом лица, назвать курносым было бы слишком сильно, но сказать только, что он вздернутый, было бы недостаточно; небольшой ее подбородок был невелик и имел совершенно мягкие девические очертания. Но всего

удивительнее выглядели на ее лице губы, то чувственные, по-детски пухлые и ярко красные, чуть ли не пунцовые, а то вдруг делавшиеся злыми, узкими и бледневшими почти до белизны. Уши у нее были больше, чем следовало бы иметь женщине, но они свидетельствовали о ее музыкальности. Румянец на ее щеках появлялся только временами, гладкие волосы лишь немного вились на висках; небольшие руки казались удивительно хрупкими, зато ноги были хорошо развиты и заметно мускулисты, как у хорошо тренированных профессиональных спортсменов.

Впрочем, вполне возможно, что многие нашли бы внешность этой женщины вполне заурядной, но, повторяю, обстоятельства нашего знакомства были столь исключительными, что мне стало казаться, будто и наружностью участница описываемых событий чем-то отличается от обычных людей... Но пока что остановлюсь. Полагаю, что по ходу действия постепенно обрисовется и внешний портрет и духовный облик этой странной и, я бы сказал, не опасаясь упрека в пристрастии к романтической терминологии, зловецей женщины.

Единственное, что мне хочется еще подчеркнуть в ее наружности, это какую-то неуловимую асимметричность в лице и фигуре.

Когда во время разговора она одним ухом слушала своего собеседника, другим ухом она, казалось, прислушивалась к какой-то неслышной и ей одной доступной музыке сфер; если один глаз ее был внимательно устремлен на собеседника, другим она точно просверливала пустоту за его спиной; и если правой рукой поглаживала своего собеседника по руке, левая ее рука, возможно, нащупывала в это время в сумочке или муфте крохотный, но отличного качества пистолет для того, чтобы через минуту пристрелить этого же собеседника.

Однако начну по порядку.

Впрочем, для полной ясности надо еще предварительно сказать несколько слов о себе.

Сам я офицер, штабной работник; за несколько месяцев до начала войны мне пришлось выехать в один старинный большой город, находившийся как раз на условной границе между Западной и Восточной Европой, не без злого умысла выдуманной досужими европейскими политиками.

Командировка моя в этот город имела сугубо секретный характер. Возможность возникновения войны никем и никогда не исключалась, и, не распространяясь подробнее, скажу, только, что целью моей командировки было изучение возможного театра военных действий и разработка дислокации некоторых специальных войсковых подразделений на случай возникновения войны и вторжения противника на северо-западные территории нашей страны.

Город, который на некоторое время стал моей резиденцией, был шумным и оживленным, с многочисленным и пестрым населением. Старинные кварталы перемежались в нем с кварталами многоэтажных доходных домов. Мне то и дело приходилось сталкиваться с не изжитыми еще контрастами богатства и бедности, и многое в нем было мне одновременно и любопытно и чуждо.

Впрочем, теперь уже нет нужды скрывать название города — это была Рига, столица Латвии, которая тогда, лишь недавно провозгласила себя Советской республикой.

Жил я по ряду деловых соображений на частной квартире, в семье рабочего крупного механического завода, старого коммуниста, паритйные качества которого были проверены еще в годы тяжелого революционного подполья. В этой квартире я занимал отдельную комнату, у меня были ключи и от общего входа и от своей комнаты, и хозяев я стеснял мало. Здесь, на отлете, я находился и как бы в тени, чего трудно было добиться в какой-либо гостиннице, и в то же время среди своих людей и мог не опасаться ни случайных посетителей, ни контроля со стороны слишком любознательной прислуги...

Впрочем, рассказ этот ведется не обо мне.

Начну по порядку, с первой моей встречи с Софьей Викентьевной Янковской.

Помню, как сейчас, поздним вечером я возвращался домой от своего начальника, которого время от времени мне приходилось посещать с докладами о ходе своей работы. Июнь шел к концу. Стояла отличная сухая погода. Выйдя из большого и ярко освещенного здания, занимаемого нашим военным ведомством, в узкий и слабо освещенный переулок, я свернул вниз и через несколько минут очутился на простор-

ной и очень нравившейся мне набережной Даугавы.

Лето в Прибалтике отличается удивительной мягкостью, оно обволакивает вас своей теплой истомой как бы исподволь; переход от весны к лету совершается столь постепенно, что вы вместе с природой познаете всю прелесть ее расцвета, нисколько не страдая от жестокого изобилия солнца, которое так тяжело обычно ощущается нами на юге, а летняя ночь в Прибалтике является как бы естественным завершением светлого радостного дня.

На улице я словно окунулся в волну нежных запахов, поднимавшихся от реки и влажных деревьев...

Было поздно и поэтому очень пустынно. Одет я был в штатское, на мне было темно-серое пальто и такая же шляпа; в темноте я должен был сливаться с гранитными стенами тянувшихся вдоль набережной тяжелых домов.

Неожиданный порыв ветра донес до меня острый речной холодок, я вздрогнул от внезапного озноба, у меня даже появилось желание поднять воротник пальто, как вдруг я услышал за своей спиной негромкий возглас:

— Послушайте, вы!

В первое мгновение у меня было мелькнула мысль, что это какаянибудь ночная Фея хочет завербовать себе случайно подвернувшегося прохожего, но тут же я решительно отверг эту мысль: в голосе, который я только что услышал, звучали такие властные и капризные нотки, какие никак не могли быть свойственны нетребовательной уличной девице.

Я обернулся. Позади меня посреди широкого тротуара стояла неизвестно откуда появившаяся дама. Она была в легком светлом пальто, руки ее были засунуты в карманы, левым локтем она прижала к себе большую, по тогдашней моде, дамскую сумочку, на голове у нее была простая и совсем немодная шляпа с небольшими полями, и с первого же взгляда на ненакомку можно было поручиться, что это очень порядочная и приличная дама.

— Простите, что я вас остановила, — сказала она, и хотя говорила она по-русски сравнительно правильно, в ее речи звучал мягкий чужеземный акцент. — У меня к вам большая просьба... Надеюсь, вы не откажете...

Вместо ответа я молча ей поклонился.

— Вас очень прошу, проводите меня до конца набережной, — продолжала она. — Это не так уж трудно, хотя...

Мне действительно показалось не столь уж трудным проводить ее до конца набережной, а что значило ее «хотя», я понял только в конце нашей десятиминутной прогулки.

Дама не производила впечатления неразумной трусихи, но мало ли какие фантазии приходят в голову дамам, и, так подумав, я молча предложил ей свою руку, не придав серьезного значения ее просьбе.

Мы пошли вдоль безмолвных домов, почему-то вдруг показавшимися мне суровыми и холодными. Моя спутница молчала, а у меня и подавно не было никакого намерения докучать ей своими распросами. Нигде не было заметно ни одного прохожего. В отдалении поблескивала река. В небе тускло мерцали звезды. Еще дальше, за рекой, переливались неясные огни разбросанных на другом берегу улиц.

Внезапно тишина наполнилась шелестом скользящих по камням автомобильных шин. Я оглянулся. Издалека по направлению к нам мчался автомобиль. Должно быть, это была машина очень хорошей марки, потому что, неслась она столь стремительно и бесшумно, что не прошло и мгновения, как ее ффары совершенно ослепили меня.

Но не успел я еще прийти в себя, как моя странная спутница резким рывком повернула меня к себе так, что я стал спиной к мостовой, прижалась ко мне, притянула к своему лицу мою голову — меня обдало запахом каких-то слабых и пряных духов — и прильнула своими губами к моим губам.

В эти секунды, когда она меня целовала, я услышал как машина, поровнявшись с нами, замедлила ход, как на ходу дверца ее приоткрылась, а когда я отстранился от этой странной женщины, машина была уже далеко впереди и только красная лампочка, светившаяся позади кузова, мелькнула перед моими глазами, как сигнал о только что грозившей и исчезнувшей опасности.

Вероятно, я не мог скрыть удивления, с каким посмотрел на свою спутницу, потому что она коротко и мягко рассмеялась и погладила меня по рукаву.

— Вы милый, я могла бы вас полюбить, — кокетливо сказала она и торопливо добавила: — Не смущайтесь, это

совершенно невозможно, я вас никогда не люблю.

Но едва мы сделали еще несколько шагов, как полную смутных шорохов и неясных звуков тишину летней городской ночи прорезал тонкий и пронзительный и, я бы сказал, даже мелодичный и словно предупреждающий свист.

Оглянувшись я не успел.

Моя спутница рванула меня за руку, толкнула к стене и по мужески-сильной рукой пригнула мою голову...

Во мне мгновенно возникло какое-то совершенно инстинктивное ощущение, что в меня сейчас выстрелят...

Но нет, выстрела я не услышал.

И, однако, я явственно ощущал какое-то движение воздуха, точно незримая птица стремительно пронеслась надо мной, почти коснувшись меня своим крылом...

Свист оборвался, выстрела не последовало, и тем не менее, у меня не проходило ощущение того, что в силу каких-то загадочных обстоятельств я превратился в дичь, за которой охотятся какие-то незримые охотники.

Лишь спустя несколько секунд, когда моя спутница отвела от меня свою руку, я обернулся назад, вглядываясь в неясный сумрак, окутавший пустынную набережную.

Мне показалось, будто вдалеке на фоне темного, свинцового неба обрисовалась какая-то тень, очертания какой-то человеческой фигуры, но видение это длилось всего один миг, тень эта тотчас исчезла, как бы растаяв среди других бесформенных ночных теней...

Я тут же подумал, что этот призрак был нарисован лишь собственным моим воображением, возбужденным всей той таинственностью, которая сопровождала моей неожиданной спутнице.

Я никогда не имел склонности фантазировать и всегда твердо ощущал под собой реальную почву, занимался вполне прозаическими и суровыми делами и вдруг именно здесь, под свинцовым небом Прибалтики, летом 1941 года, неожиданно для самого себя, стал участником происшествий, о которых раньше читал только в авантюрных романах!

Однако моя спутница как ни в чем не бывало равнодушно смотрела на меня.

Я не мог скрыть своего раздражения.

— Однако! — невольно вырвалось у меня, и я не без язвительности спросил: — Как вы думаете, **это** долго еще будет продолжаться?

— Что именно? — переспросила она, усмехнулась и так же сама ответила: Ах, **это**... Нет, не думаю. Скорее всего на этом все кончилось.

— А вы не объясните мне, что все это значит? — спросил я, доискиваясь до истинного смысла всего происходящего.

— Нет, не объясню, — сухо ответила моя спутница, но тут же любезно добавила: — Во всяком случае, блаагодаря вам я избежала серьезных неприятностей, и мне приятно, что мой выбор был сделан правильно.

— Ну, сделать его было не так уж трудно, — угрюмо отозвался я. — Как будто я был единственным, кто попался вам на дороге.

— Напрасно вы так думаете, — возразила моя спутница, крепко оипраясь на мою руку. — Я очень хорошо знала, с кем имею дело, прежде чем обратилась к вам.

— Неужели!? — насмешливо произнес я. — Мужчина лет тридцати, высокого роста, прилично одетый...

— О, нет! — прервала меня незнакомая. — Я знаю больше нежели вы думаете. — Она насмешливо посмотрела на меня снизу вверх. — Хотите, я скажу, кто вы такой?

Я покровительственно посмотрел на нее сверху вниз.

— А ну, попробуйте!

Она ответила не задумываясь:

— Вы советский офицер, майор Макаров.

Мне опять пришлось удивиться.

— Однако!...

— Вы были сейчас на докладе у своего начальника, а занимаетесь здесь... — Она помолчала и опять усмехнулась. — Ну, это неважно, чем вы занимаетесь.

— А все-таки? — спросил я, желая до конца знать все, что известно обо мне этой женщине.

— Это не так важно, — по-прежнему уклонилась она от ответа и ускорила шаг.

Я шел рядом с ней и напряженно думал, что все это могло значить.

— Вот мы и пришли, — сказала она, подняв кверху под-

бородок и как бы указывая им вперед. — Помните: от угла наши дороги расходятся.

Мы остановились на углу — набережная шла вниз, а в сторону от набережной начиналась линия бульваров, освещенная разноцветными огнями расположенных по обеим сторонам магазинов и ресторанов.

— А все -таки, кто же вы такая? — спросил я незнакомку. Она засмеялась.

— Вы же русский, — сказала она. — А у русских есть хорошая поговорка: «Много будешь знать, скоро состаришься».

А скоро состаришься—значит скоро умрешь. А смерти я вам не желаю.

Но я не хотел ее отпустить, не разгадав ее загадок.

— Все же как вас зовут?

— Зося, — сказала она. — И все. Прощайте.

Она отпустила мою руку, но я попытался ее удержать и потянул было к себе ее сумку. Она сразу же грубо и больно ударила меня по руке, и сумка упала к ее ногам. Я наклонился, но, едва взялся за плетенный кожаный ремешок, ощутил под своими пальцами движение воздуха, и сумка появилась на оборванном ремешке.

Моя спутница выхватила ее из моей руки, а когда я, невольно посмотрев по сторонам, вновь перевел взгляд на странную незнакомку, ее уже не было, и я с досадой увидел только ее светлое пальто, мелькавшее за деревьями на довольно значительном расстоянии.

Это загадочное происшествие выбило меня из размеренной колеи моей жизни...

Стало банальным говорить что, подлинные происшествия бывают подчас удивительнее самых изощренных выдумок. В моей памяти невольно мелькнули запутанные фабулы в детективных романах знаменитого Уоллеса, но то, что только-что произошло со мною, превосходило фантазию Уоллеса.

Нельзя было упустить эту женщину из виду!

Ее пальто мелькало за деревьями, она быстро удалялась...

Я прибавил шаг.

За темными купами деревьев, над крышей «Рима», самого фешенебельного рижского отеля сияли зеленые огни ресторана.

Незнакомка свернула к отелю.

Следовало догнать ее и выяснить все, что можно.

Я торопливо пересек бульвар и улицу и подошел к ярко освещенным дверям; швейцар предупредительно распахнул их передо мною.

Войдя в просторный и нарядный вестибюль ресторана, я понял, что свободное место в нем отыскать не так-то легко: весь гардероб был завешен верхней одеждой. Все же я разделся и по широкой мраморной лестнице поднялся в громадный зал, украшенный бесчисленными зеркалами в позолоченных рамах и бронзовыми люстрами с хрустальными подвесками, которые переливались всеми цветами радуги.

Зал был действительно полон, все столики были заняты.

Я было хотел попросить разрешения присесть к чьему-либо столу, но мне повезло, и я как-то сразу наткнулся на только что освобождавшийся столик. Расторопный официант не заставил себя ждать, быстро принял от меня заказ, и уже через пять минут передо мной пыхтел мельхиоровый кофейник и поблескивала золотистыми искорками бутылка отличного Мартеля.

Я пригубил рюмку с коньяком, отхлебнул кофе и принялся разглядывать публику...

Да, я пришел сюда не зря! Я увидел свою недавнюю спутницу...

Она сидела через несколько столиков от меня.

Была она в строгом черном бархатном платье, низкий вырез подчеркивал белизну ее шеи и скрывал недостатки худощавой груди, и единственным украшением на ней был небольшой агатовый крестик, висевший на тонкой золотой цепочке... Нет, ошибиться я не мог!

Взгляд ее был обращен куда-то в пространство, она смотрела точно поверх всех голов и, казалось, никого не замечала.

Вместе с нею за столом сидела дама постарше в лиловом шелковом платье и мужчина неопределенных лет весьма тщательно одетый, но с таким невыразительным и скучным лицом, что о нем ничего нельзя было сказать, кроме разве того, что он являлся обладателем коротко подстриженных рыжеватых усов и тщательно прилизанной шевелюры, цветом своим напоминавшей отсыревшую пенку.

Я принялся рассматривать свою недавнюю спутницу, и она, должно быть, почувствовала мой взгляд, перевела свои устремленные в потолок глаза на меня.

Я не знал, стоило мне здесь, в этом ресторане, на виду у десятков людей обнаружить, что я ее знаю, и я ограничился легким полупоклоном, который свидетельствовал о моем внимании к ней и одновременно не мог быть замечен окружающими.

Но она равнодушно отвела от меня безразличные свои глаза и ни одним движением ресниц не ответила на мое приветствие, точно видела меня в первые в жизни.

Я подозвал официанта.

— Скажите, — спросил я его, кивая в сторону своей ночной спутницы, — эта дама часто бывает здесь?

— Я не знаю этой дамы, — с вежливым равнодушием ответил официант. — Но если желаете, я могу познакомить вас с другой дамой, несколько наискось, настоящая блондинка и очень любит высоких мужчин.

Я его поблагодарил...

Тем временем моя незнакомка и ее спутники поднялись и пошли к выходу.

Они прошли мимо моего столика, и на меня снова пахнуло слабым и пряным ароматом незнакомых духов... Очевидно, она отнюдь не мечтала о продолжении нашего знакомства.

Выждав минуту, чтобы не дать никому заметить, за кем я следую, я бросил на стол несколько бумажек и пошел из зала.

В вестибюле никого уже не было. Я вышел на улицу, но и на улице не было никого, кроме редких прохожих, которых отнюдь нельзя было спутать с интересующими меня людьми.

Я обернулся к швейцару.

— Вы не заметили дамы... в светлом пальто?...

Швейцар вежливо и даже чуть соболезнующе улыбнулся.

— Они только что уехали в машине, вдвоем: две дамы, и господин...

Мне не оставалось ничего другого, как пойти домой с тем, чтобы с утра поставить в известность обо всем происшедшем тех, кому следовало об этом знать.

Приняв это благоразумное решение, я сунул швейцару

чаевые, спустился со ступенек на тротуар и не спеша отошел от ресторана.

Я спокойно шел по улицам сонной Риги, редким прохожим было до меня столько же дела, сколько мне до них, дошел до дома, в котором жили Цеплисы, — такова была фамилия моих хозяев, — постоял у парадного, оглянулся по сторонам, открыл дверь, вошел в дом, запер дверь с внутренней стороны и с облегчением подумал, что теперь-то все странные происшествия этого вечера кончились наверняка и ничто не нарушит покоя этого большого дома, населенного простыми, трудолюбивыми людьми.

Я не спеша поднимался по лестнице, и вдруг у меня опять появилось ощущение тревоги, мне почудилось, что я на лестнице не один, что кто-то притаился в окружающем меня мраке, что меня кто-то ждет и вот-вот схватит невидимыми руками.

Я замедлил шаг, потом остановился, напряженно вслушиваясь в тишину.

Внезапно вспыхнул свет, выхватив из тьмы ступеньки лестницы, серую стену...

Почти мгновенно я сообразил, что кто-то засветил над мной электрический карманный фонарь...

Вверху, на лестничной площадке, стояла все та же незнакомка, которую я сопровождал по набережной Даугавы и не более как час назад видел в зале ночного ресторана.

Она стояла прямо передо мной, в своем светлом пальто, под которым виднелось черное бархатное платье, руки ее были заложены в карманы, а прищуренные зеленоватые глаза устремлены на меня.

Я не успел ее о чем либо спросить; она неторопливо вытянула из кармана правую руку, подняла, и я увидел направленное на меня дуло небольшого пистолета.

— Однако... — сказал я, и прежде чем она выстрелила — это запомнилось мне совершенно отчетливо, — услышал приближающийся издалека грохот и... потерял сознание.

Продолжение следует.

Журнал СТУДЕНТ является единственным журналом советских писателей печатающимся на западе!

Заметки о советском театре

А. К Р О Н

Исторической заслугой XX съезда КПСС было разоблачение культа личности, принесшего огромный вред во всех областях материальной и духовной жизни нашего общества. Чрезвычайно существенно, что партия осудила не только культ личности И.В. Сталина, она осудила культ личности вообще. Марксизму-Ленинизму — научному мировоззрению пролетариата — органически враждебен всякий культ. Там, где есть культ, научная мысль вынуждена отступать перед слепой верой, творчество перед догмой, общественное мнение перед произволом. Культ порождает иерархию служителей культа, — божеству нужны святители и угодники. Культ не совместим с критикой, самая здоровая критика легко превращается в ересь и кощунство. Культ антинароден по самому своему существу — он принижает народ и заставляет рассматривать как дар свыше то, что полностью оплачено трудом и кровью народа. Даже культовое обожествление Народа с большой буквы имеет свою оборотную сторону — оно принижает отдельного человека. Вождь был слугой Народа, но когда миллионы хозяев вставали при одном упоминании имени слуги, в этом было что-то очень чуждое тем демократическим традициям, в которых мы воспитаны революцией и советским общественным строем.

Принято говорить, что культ личности принес нашему

обществу неисчислимым вред. Неисчислимым, неизмеримым, безграничным, невиданным, беспредельным — употребляемые в большом количестве эти слова имеют неприятный привкус иррациональности и не случайно были в большой моде несколько лет назад. Ведь если богатства наши неисчислимы, силы неисчерпаемы, доверие беспредельно, авторитет безграничен, нет нужды беречь реальной действительности, утратить меру и предаться самой необузданной гигантомании. Нет, как бы ни был велик вред, принесенный культа личности, он исчислим и должен быть исчислен. Одновременно мы должны трезво оценить свои силы и возможности, и мы увидим, что их более чем достаточно для того, чтоб последовательно и решительно преодолеть последствия культа на всех участках нашего хозяйственного, политического и культурного строительства. Для этого нет необходимости ежеминутно называть многочисленное неисчислимым, могучее непобедимым, умное мудрым, а большое великим.

Культ личности — прежде всего идеологическое извращение. Литература и искусство не могли избежать его разрушительного воздействия. Художественное творчество неотделимо от общественной инициативы, от новаторских поисков. А новатор — в какую бы эпоху он ни жил — всегда в чем-то опережает восприятие своих современников и не всегда бывает сразу понят. Там, где вкус одного человека становится непререкаемым, неизбежны нивелировка и грубое вмешательство в творческий процесс, вредная опека, травмирующая талант, но вполне устраивающая ремесленников. В этих случаях быть непонятым значило быть осужденным. Там, где истиной бесконтрольно владеет один человек, художникам отводится скромная роль иллюстраторов и одописцев. Нельзя смотреть вперед, склонив голову.

О скромности. За последние годы были случаи, когда некоторые деятели литературы и искусства вели себя в быту недостаточно скромно. Конечно, это отвратительно. Бытовой нескромностью чаще всего страдают люди, играющие очень скромную роль в своем искусстве, именно там, где скромность отнюдь не является добродетелью. Вспомним, что писал о скромности Маркс:

«Истина так же мало скромна, как свет, да и по отношению

к кому она должна быть скромна? По отношению к самой себе? *Verum index sui et falsi.*— Стало быть, *по отношению к лжи?*

Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперед. *Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами*, она — предохранительное средство против истины.

Далее: истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Мое достояние — это *форма*, составляющая мою духовную индивидуальность. «Стиль — это человек».

Административный стиль руководства искусством не способствовал развитию индивидуального стиля художника. Упор делался не на стиль, а на метод. Впрочем, в архитектуре и в изобразительном искусстве после войны выработался своеобразный стиль — грубо-народный, официально-помпезный.

Теперь уже ни для кого ни секрет, что наше театральное искусство переживает серьезный застой. Люди понимающие поговаривали об этом и раньше, но в период, когда было принято рассматривать наше движение на любом участке только как сплошной победный марш без остановок и отступлений, их быстро призывали к порядку. В частности, критика наших академических театров была объявлена делом антипатриотическим. Теперь и неспециалистам ясно, что это не принесло театрам пользы. Из неприкосновенных легко превратиться в неприкасаемых. Пустующий зал там, где некогда разыгрывалось в лотерею право купить в кассе дешевый билет, — явление угрожающее. Объяснить его нашествием телевизоров невозможно. И может быть, самый тревожный симптом — отсутствие спроса именно на дешевые билеты. Этот факт очень удобно объяснить возросшим благосостоянием зрителей, но, вероятно дело все-таки в другом. Нельзя рассматривать зрителей, как некую аморфную массу. Через определенные промежутки кристаллизуется новое поколение театралов. Октябрь раскрыл народу двери театра, с каждым годом театр все шире и прочней входил в культурный обиход рабочего. Есть серьезные основания предполагать, что сегодняшние затруднения вызваны

не капризом заскучавших зрителей, а тем, что заметно сузился круг постоянных посетителей. На смену постаревшим или отвернувшимся от театра любителям не пришла в достаточном количестве пылкая молодежь, рассматривающая театр прежде всего как школу жизни. Как это ни печально, но сегодня позиции наших театров гораздо крепче среди той публики, которая идет в театр отдохнуть и развлечься, сидя в удобном кресле, чем среди тех, кто готов простоять весь спектакль на галерке, чтоб ощутить биение живой мысли и радостное потрясение от игры актера. Получается странная на первый взгляд картина. Последние годы мы в своей среде столько говорили об идейности, боролись за идейность, награждали за идейность, прорабатывали за безыдейность, а пришли к снижению идейного влияния театра.

Три основные причины, тесно связанные между собой и являющиеся прямым следствием культа личности, продлили этот застой: игнорирование объективно существующих законов художественного творчества, гипертрофия редактуры, создание бюрократической иерархии в искусстве.

Глубочайшая неправда, что так называемая теория бесконфликтности рождена в среде творческих работников. С таким же успехом можно утверждать, что мысль о запрещении учения Дарвина родилась в среде биологов. Нет драматурга, который не понимал бы, что конфликт — основа драматического произведения. Содержанием драмы является жизнь человеческого общества со всеми присущими ему противоречиями. Драматический конфликт есть отражение этих объективно существующих противоречий. Сознательно или бессознательно драматург следует законам диалектики. Столь же несостоятельной оказалась пресловутая теория «борьбы хорошего с еще лучшим», также служившая теоретической подпоркой для фальсификации и лакировки действительности. Кому и для какой цели были нужны эти теории, становится ясно, если вспомнить, что они возникли в годы, когда бывало, что даже такая точная наука, как статистика, использовалась аллилуйщиками для создания иллюзий. Что же говорить о театре.

Далеко не все чиновничьи заблуждения получили стройное теоретическое оформление. От этого они не менее живучи. Прочно въелось убеждение, что тема художественного произ-

ведения не является авторским изобретением, и поэтому «тематика» так же поддается планированию сверху, как промышленный ассортимент. Что сюжет пьесы это нечто вроде евангельской притчи, заключающей нравоучение в себе самой. Что у зрителя более всего развита потребность в подражании, он только и ждет случая скопировать в жизни увиденную на сцене схему. Что всякая попытка отрицательного персонажа как-то аргументировать свое мерзкое поведение есть предоставление автором трибуны врагу. Что всякое произведение, в котором порок остается ненаказанным, есть произведение пессимистическое. Что так называемый «второй план» и подтекст, в значительной степени определяющие идейный и эмоциональный итог пьесы и спектакля, суть лукавые измышления, плохо поддающиеся учету и контролю, а посему героям надлежит формулировать свои мысли недвусмысленно и внятно. И наконец — совершенно извращенные представления о законах художественной типизации.

Одно из самых ядовитых заблуждений, еще недавно имевшее хождение наравне с «теорией бесконфликтности», формулировалось примерно так: «Произведения искусства бывают плохие, посредственные и хорошие. Наш советский читатель (зритель) неустанно трудится, у него нет времени читать (смотреть) все, что выходит в свет. В нашей власти отсеять все слабое и посредственное и дать советским людям ограниченное количество образцовых произведений». Эта доктрина, получившая наибольшее распространение в кино, привела к тому, что двухсотмиллионная страна, создавшая свое великолепное самобытное киноискусство, одно время производила меньше фильмов, чем Польша или Бельгия. Сократилось количество театров и литературных журналов. А количество выдающихся произведений не увеличилось даже в процентном выражении. Они продолжали одиноко возвышаться на фоне посредственных и слабых. Больше того, стремление во что бы то ни стало создать произведение-эталон, художественный документ, дающий исчерпывающее и единственно правильное освещение определенной темы, приводило даже крупных художников к схематизму.

О редактуре. Вряд ли кому-нибудь придет в голову отрицать необходимость квалифицированной редакции и

заслуги наших лучших редакторов. Но за последнее время развелось такое количество людей и организаций, претендующих на редакторские функции, их права и полномочия приобрели такой преувеличенный характер, что это уже стало бедствием. Теперь никого не удивляет, что в журнальных отзывах рядом с фамилией автора книги ставится фамилия редактора. Выглядит это так, как будто у книги есть командир и комиссар. Если рецензенту не нравится стиль автора, он зачастую адресует свои упреки редактору, не смущаясь тем, что автор не юнец, а зрелый сложившийся писатель. В театре дело обстоит еще хуже. Во всех договорах, заключаемых между театром и драматургом, имеется пункт о том, что автор обязуется по требованию театра вносить любые изменения и исправления, отказ грозит ему материальными санкциями. Недавно режиссер Э. Краснянский выступил в журнале «Театр» с требованием указывать на титульном листе всякой пьесы, какой театр является ее редактором. А несколько лет назад критик А. Макаров выступил с теоретическим обоснованием укоренившейся практики, ссылаясь на то, что «жизненный опыт коллектива всегда шире, богаче, полнее индивидуального опыта.»

Бесспорно, люди театра могут быть очень полезны драматургу. И в первую очередь своим сценическим опытом. Что же касается жизненного опыта, то можно еще поспорить, является ли жизненный опыт писателя только индивидуальным опытом и закономерно ли ставить знак равенства между жизненным опытом театральной труппы и опытом народа, его коллективной мудростью. Я глубоко убежден, что рассматривать пьесу как полуфабрикат — ошибка в равной степени губительная и для драматурга и для театра. Вмешательство театра приносит вред не только в тех случаях, когда автор протестует, но нередко и в тех случаях, когда автор благодарит. Как правило, произведения талантливые, оригинальные становятся от такого вмешательства хуже, произведения бездарные, беспомощные, — лучше. Так приобретают право на жизнь суррогаты.

Вторгаясь в несвойственную им область, режиссеры и актеры нередко становятся менее требовательны к себе — начинают обходить трудности и уклоняться от решения сложных

задач, подтасовывать текст для оправдания привычных и удобных решений. Все, что не сразу удастся, начинает казаться неосуществимым, все спорное — ошибочным и требующим исправления. Так исчезает вера в пьесу, уважение к замыслу, возрождается нигилистическое отношение к тексту. Не встречая отпора у современников, оно распространяется и на классику. Помимо театров, существует немалое количество инстанций, обладающих если не правом, то возможностью непосредственно или через театр диктовать свою волю автору. В результате пьесу редактируют все, кому не лень, любая очередная кампания, к примеру борьба с пьянством, может послужить поводом, чтобы потребовать переделки уже идущей на сцене пьесы. Даже стеклография, размножающая пьесы на правах рукописи, имеет своих редакторов. Даже издательские корректоры самовольно вычеркивают из пьес все излишнее, по их мнению, тире, и заменяют их запятыми — частое употребление знака тире разрешается только Горькому. Бесполезно доказывать, что Горький произвел реформу в пунктуации, и в прямой речи тире отныне выполняет более широкие функции. Существует инструкция...

Невольно помянешь чорта иопять - таки наталкиваешься на инструкцию — черта писать только через «е». Может быть оно и правильно, но вкус же не тот.

Нечто подобное испытывает и режиссура. Те, кому пришлось присутствовать при сдаче готовых спектаклей, знают, в каком безапелляционном тоне привыкли давать свои указания многочисленные инструкторы и инспекторы. (Кстати, в переводе на русский язык это обозначает наставники и надзиратели) Сейчас эта процедура обставляется несколько либеральнее, но сущность мало изменилась. Что же касается театральной критики, то газетные нравы почти не поколеблены. Попрежнему существует порядок, при котором хуже пишущие и меньше знающие имеют полную возможность править тех, кто лучше пишет и больше знает. Выбрасывать и вписывать целые абзацы считается в порядке вещей. Отсюда и отношение к газетной рецензии. Неважно кто пишет, важно, где напечатано.

Искусство знает только одну законную иерархию — это иерархия таланта. Ее устанавливают время и народ, когда это делается поспешно и келейно, все сводится к обычной табели

о рангах, несправедливой в глазах современников и смешной в глазах потомков. Сейчас уже не нужно быть смельчаком, чтоб сказать вслух о том, как мало пользы и как много вреда принесли Сталинские премии. Они вносили в театр дух конъюктуры и ажиотажа, порождая спекуляцию на теме и далеко не социалистические формы соревнования. Они дезориентировали и творческих работников и зрителей, канонизируя фальшивки, ставя их на одну доску с подлинными произведениями искусства, а иногда и выше. То же самое можно сказать о бесчисленных конкурсах и смотрах. Вообще изобилие чинов и регалий не увеличивает количества талантов. Дипломы подобны казначейским знакам, — когда за ними нет достаточного золотого обеспечения, они падают в цене.

Прочтите внимательно рядовую афишу современного МХАТ. После слов «в спектакле участвуют» с красной строки перечислены Народные артисты Союза, лауреаты Сталинской премии. Ниже или отступя — Народные артисты Союза, не лауреаты. Следующая строка — Народные артисты республики, лауреаты. Ниже — просто Народные. Затем следуют разделенные соответствующими интервалами заслуженные деятели искусства и заслуженные артисты союзных республик с премиями и без оных, заслуженные деятели и заслуженные артисты автономных республик и наконец в самом низу просто артисты Художественного театра, как таковые, в том числе исполнители главных ролей.

Невольно вспоминается Чехов. Не автор лирической «Чайки», распростершей свои крылья в верхнем углу афиши, а Чехов — старик, автор рассказа «Винт». Вспомните карточную колоду, изобретенную скучающими чиновниками.

Вряд ли К. С. Станиславский подписал бы афишу, где артист приравнен к двойке и коллежскому регистратору.

Учреждение почетных званий имело под собой разумные основания. Звание Народных артистов присуждалось немногим, обладавшим действительно всенародным признанием актерам — Неждановой, Шаляпину, Южину, Станиславскому.. Звание заслуженных артистов давалось тем, кто многолетним трудом заслужил особую признательность современников. Сейчас народ уже не в силах упомянуть всех носящих звание народного артиста, а о получении звания заслуженного артиста

молодой способный актер начинает заботиться в первое же пятилетие после выпуска из школы. Почет здесь ни при чем. Это вопрос положения, зарплаты, концертной ставки. В конце концов все свелось к служебной категории, к номенклатуре.

Среди драматургов иерархия устанавливается несколько иначе. Для этого существуют обзорные статьи. Подписывают эти статьи обычно никому неизвестные люди, но это и не важно, так как пишутся они от имени народа: «Народ знает и любит таких писателей, как...», «Не выполняют своего долга перед народом такие писатели, как...», «Народное признание получили такие пьесы, как», «Народ отверг такие пьесы как...», За этой магической формулой, полностью освобождающей от аргументации следует перечень фамилий и названий. В перечне «за здравие» лучшие места впереди, в заупокойном — в конце. И опять вспоминается Чехов. На этот раз «Канитель».

Кто же ответственен за создавшееся положение? До сих пор речь шла об ошибках в руководстве театральным делом. Ошибки серьезные. Из этого не следует делать вывода, что искусство вообще не надо направлять. Вредно не руководство а опека. Творческие работники театра и советские писатели воспитаны партией в духе ленинского учения о партийности литературы. Именно поэтому большинство из них проявило моральную стойкость на всех крутых поворотах истории, не оторвалось от жизни народа и радостно приветствовало решения XX съезда КПСС.

То, что переживаемые трудности являются издержками культа личности, не снимает с творческих работников личной ответственности за судьбы театра. Ведь даже во время землетрясений люди ведут себя по-разному — одни мужественно, другие трусливо, одни благородно, другие подло, одни спешат на помощь пострадавшим, другие грабят опустевшие дома. Можно безошибочно утверждать, что в трудное время честные и талантливые люди вели себя лучше карьеристов, люди партийного склада лучше, чем равнодушные приспособленцы. Поэтому поражает своей бессмысленностью давний спор о том, какой именно цех наиболее повинен в создавшемся неблагополучии — драматурги или актеры, режиссура или критика. Эта цеховая распря совершенно бесплодна и способна порождать

только взаимное раздражение, в котором и так нет недостатка.

Наиболее распространена и стала почти официальной версия, будто главные виновники — драматурги, которые не знают жизни, вследствие чего наша драматургия перманентно отстает. Прежде чем принять или отвергнуть эту версию, необходимо уточнить, какое содержание вкладывается в термин «наша драматургия», от кого и от чего она отстает.

Написать хорошую пьесу так же трудно, как хороший роман. А. М. Горький считал, что даже труднее. Но написать плохую пьесу гораздо легче, чем самый плохой роман. Вероятно, поэтому во все времена писалось очень много плохих пьес. Старая Александринка, будучи отличным театром, ставила поразительно много дряни. Однако русской драматургией XIX века мы называем не эти забытые пьесы, а настоящую драматическую литературу, творчество писателей, оставивших живой след в духовной жизни своего поколения. Почему-то, говоря о драматургии современной, мы прежде всего вытаскиваем запыленные списки членов драмсекций добавляем к ним список прозаиков и поэтов, когда-либо писавших для театра, растворяем в десятикратном объеме самотека, переполняющего портфели театров и шкафы репертуарных органов, получившуюся смесь сортируем по тематическому признаку, а затем, не утруждая себя конкретным анализом произведений, оперируя в основном статистическими данными, регистрируем очередное отставание. В обзорных статьях и итоговых докладах сообщается, что «такие писатели как»... продолжают отмалчиваться, прочие же создают «косяки» пьес на однородные темы, не учитывая разнообразных запросов неизмеримо выросшего зрителя.

Пора уже понять, что статистикой в нашем деле не много возьмешь, что настоящие пьесы по самой своей природе не могут ходить «косяками» и что делать выводы о процессах, происходящих в искусстве на материале произведений, лежащих вне искусства, — занятие вполне бесполезное. Пора развеять миф о незнании драматургами жизни. Человек, не знающий жизни вообще не драматург, не писатель. К тому же драматурги — люди очень разные, к ним нельзя подходить с одной меркой. И если бы товарищи, увлекающиеся статистикой,

взяли на себя труд Плутарха и вместо общих рассуждений проследили пути хотя бы двух советских драматургов, к примеру Арбузова и Софронова, они поняли бы гораздо больше.

Если рассматривать драматургию, как часть большой советской литературы, то нет серьезных оснований загонять ее в карцер. Советские драматурги создали ряд пьес, выдержавших испытание временем. Мы не так уж бедны, если «Оптимистическая трагедия» могла ждать своего воплощения на ленинградской сцене двалцать лет.

Может быть, драматургия отстает от театра? Сомнительно. Театр не может развиваться в отрыве от драматургии. С режиссурой дело обстоит ничуть не лучше, чем с репертуаром. Почти нет новых имен. Многие мастера старшего поколения, вместо того чтобы растить у себя в театрах полноценную смену, предпочитали держать при себе «подручных», до седых волос выполнявших за своих мэтров всю черновую работу. Теперь это сказывается. Неблагополучно и с актерским мастерством. Конечно, таланты у нас не перевелись, есть хорошие актеры. Но не все, какие нужны, и не столько, сколько нужно. Даже в лучших наших труппах нет актеров на многие роли классического репертуара. Средний уровень довольно высок, но над ним поднимаются не многие. Труппы перегружены середняками, способными грамотно сыграть любую роль во втором составе. На премьерах еще удастся блеснуть, но редкий театр способен сейчас выставить в рядовом спектакле такое созвездие, какое можно было ежедневно наблюдать на сцене далеко не академического, в свое время многократно обруганного, а ныне полузабытого театра бывш. Корша. Стоит в театре низшей категории появиться интересному актеру, как его забирают крупные столичные театры, хотя каждый из них имеет свою школу, в прямом и переносном значении смысла. Над всем этим стоит задуматься.

Может быть драматургия отстает от зрителя? С этим можно согласиться лишь с одной существенной оговоркой. Запросы и вкусы зрителя в немалой степени зависят от состояния театра и драматургии. Почитайте письма зрителей и стенограммы зрительских конференций, и вы увидите наряду с грамотными, дельными, искренними высказываниями, свидетельствующими о культуре и гражданской зрелости, очень

грустные человеческие документы, говорящие о серьезных разрушениях, произведенных бесстыжими лакировочными пьесами и ханжескими писаниями начетчиков.

Дело не в отставании, которое мы привычно пытаемся преодолеть при помощи семинаров и творческих командировок, заседаний и прочих мероприятий. И не в том беда, что пьесы пишутся зачастую людьми неталантливыми и даже недобросовестными — так было, есть и будет, — а в том, что ослабли и стали распадаться творческие связи между театрами и писателями. Многие вообще перестали писать для сцены. Упреками и заклинаниями тут не поможешь — заставить писать так же невозможно, как и запретить. Театрам стало все равно, кого ставить, драматургам все равно, где ставить.

Среди причин, вызвавших распад творческих связей между писателями и театрами, серьезную роль играет крайнее бесправие драматурга. Оно происходит совсем не от засилья режиссуры, как кажется некоторым писателям. Эпоха «режиссерского театра» давно прошла. Театр сейчас не режиссерский и не авторский, а уж если надо его как-нибудь назвать, то скорее всего директорский. Неравенство в положении драматурга и директора заключается в том, что директор представляет собой государственное учреждение, пишет на бланках и обладает круглой печатью, в то время как писатель, если он не занимает какого-нибудь высокого общественного поста, рассматривается как лицо совершенно частное, ибо пишет на обыкновенной бумаге и круглой печати не имеет. Театр не несет по отношению к драматургу никаких обязательств, кроме материальных, творческие права драматурга никак не ограждены, он обязан по требованию театра вносить в пьесу любые изменения и не вправе даже забрать пьесу из театра в случае принципиальных несогласий. Пока не подписан постановочный договор и директор вместе с главным режиссером уговаривают автора не отдавать пьесы другому театру, писатель еще может иметь свою точку зрения. В этот период ему даются любые обещания, которые, как правило, никогда не выполняются. Будь на месте автора учреждение, никто не осмелился бы так поступать, будь директор или главный режиссер частными людьми, им было бы совестно. В данном же случае они не испытывают никакого неудобства — за ними стоит коллек-

тив, план, бюджет, они привыкли считать свои интересы государственными, а интересы автора частными. Конечно, есть и исключения, но они немногочисленны.

Все это говорится не для того, чтобы огульно опорочить театры. Положение у нас не легкое. Писатель может не писать пьес, театр может не ставить спектаклей. Писатель отчитывается за свою работу не каждый год, театр же — в каждом квартале. Иногда кажется, что у театра две души, — одна ищет родственную писательскую душу, мечтает сказать новое слово в искусстве и устремлена в автора, другая живет сегодняшним днем, кассой и конъюнктурой, охотится за модными пьесами с унылым высокомерием поносит драматургов. Все зависит от того, какая душа берет верх. Театры, находящиеся на подъеме, обычно не жалуется на репертуар, они его создают. Никто не мешал Центральному Детскому театру вступить в плодотворное для обеих сторон творческое содружество с В. Розовым. С другой стороны никто не заставлял рафинированнейшего Ю. Завадского броситься в грубоватые, но казавшиеся такими надежными объятиям А. Сурова.

Вне творческого содружества драматурга и театра невозможен расцвет драматической литературы, а следовательно, и всего театрального искусства. В наших силах добиться не частных успехов, (они есть и были даже в худшие времена), а подлинного расцвета. Не возврата к прошлому, хотя бы и блестящему, а нового подъема, пред которым должна будет отступать телевизионная армия. Из конкурента телевизор должен превратиться в пропагандиста.

Для того чтобы прийти к новому подъему, необходимо прежде всего честно и бесстрашно оценить понесенный ущерб и подсчитать свои потери. Без этого нельзя восстановить ни истины ни справедливости. Существует точка зрения, что незачем ворошить прошлое. Было-де много плохого, теперь все идет к лучшему, а поэтому — кто старое помянет, тому глаз вон. Но что же делать — искусство не преферанс, где можно перечеркнуть старую запись и начать игру сызнова. Так же как военное искусство не может двигаться вперед, не переоценив в свете решений XX съезда многие факты из истории Отечественной войны, искусство театра не может нормально развиваться, пока не будет покончено с фальсификацией

истории советского театра, с мифами и другими авторитетами, пока не будут реабилитированы несправедливо опороченные люди и произведения. В частности, надо открыто сказать, что никакой антипатриотической группы театральных критиков не существует в природе. Порознь «участники группы» давно реабилитированы, коммунисты восстановлены в партии, но миф еще живет.

Восстанавливать истину надо не для старых счетов, — ничто вреднее этого нельзя бы выдумать, — а в интересах самой истины. Замазывание существующих противоречий иногда оправдывается лозунгами «консолидации» всех творческих сил. Но это плохая консолидация. Болезни надо лечить, а не скрывать.

Необходимо решительно покончить с рецидивами политики кнута и пряника в искусстве. Для художника одинаково губельны и головокружительные вознесения и головоломные падения. Не надо спешить с оценками, не надо слишком часто подбивать итоги и ставить отметки. Нет нужды подменять широкую общественную критику оргвыводами, капризами, безапелляционными статьями, после которых все критические оценки в прессе менялись на 180 градусов. Вряд ли была необходимость бить тревогу и снимать пьесу Н. Погодина «Трое поехали на целину». Вероятно в ней не было органических пороков, а только вполне исправимые авторские просчеты, иначе как объяснить успех И. Калатозова, поставившего фильм «Первый эшелон» на тот же сюжет с теми же основными героями? Бдительные товарищи, обнаружившие крен в сторону всякого рода сатирически обличительных пьес, напрасно устроили панику: возникший как естественная реакция на бесконфликтно-лакировочную продукцию, этот крен не представлял ни малейшей опасности. Никто не собирался охаивать советскую действительность. Через несколько месяцев равновесие восстановилось бы и без тревожных свистков.

Назрела необходимость существенной реформы всей организации театрального дела. Децентрализация, решительное сокращение инстанций, имеющих право так или иначе влиять на жизнь театра и его репертуар. Пересмотр системы оплаты труда театральных работников с таким расчетом, чтобы люди равной квалификации получили за свой труд равную оплату

независимо от того, где они работают. Тогда ведомственные соображения не смогут брать верх над соображениями художественного порядка. А это бывает нередко. Три примера из жизни ленинградских театров.:

Несколько лет назад режиссер Н. Акимов был отстранен от руководства Театром комедии и переведен на ту же должность в театр низшей категории. Предполагалось, что наказан Акимов, а на деле наказали ни в чем не повинных зрителей. Попрежнему отправляясь в театр комедии, они говорили: «Сегодня идем к Акимову». Затем перестали ходить. Выяснилось, что театр развалился и надо возвращать нераскаянного Акимова.

Пример обратного свойства. Выросший за последние годы в крупного режиссера Г. Товстоногов. вывел руководимый театр им. Ленинского Комсомола в ряд лучших театров страны. Вместо того, чтоб организационно закрепить успех театра, был сделан вывод, что режиссер созрел для перехода из театра городского подчинения в республиканский. Сейчас Товстоногов — главный режиссер Большого драматического театра, очень далеко по своей манере от театра им. Ленинского Комсомола.

Третий пример. Свыше четверти века существовал Театр Краснознаменского Балтийского Флота, коллектив с героической биографией и немалыми заслугами. Он выстоял в труднейшие годы войны и блокады. Теперь он уничтожен росчерком пера — при очередной реорганизации для него не нашлось нужной рубрики.

Реформа должна сделать более гибкой окостеневшую структуру. То, что отжило, должно умереть естественной смертью, на смену ему придет новое. Ведомственная рутина мешает и тому и другому. Она консервирует трупы и мешает рождению новых театров. А молодые театры нужны, как воздух. И не только сами по себе, но и для того, чтоб встряхнулись их старшие собраты. Можно не сомневаться, что молодые театры будут обеспечены репертуаром.

Театр не может жить без критики, выражающей общественное мнение. Нужна широкая дискуссия, печатная и устная. Не такая дискуссия, где истина известна президиуму еще до начала. Каждый участник должен быть уверен, что его точка

зрения получит объективное освещение в печати. Газетам необходимо восстановить забытый жанр — опровержение. Надо развивать печатную полемику, дать слово авторам и режиссерам для защиты своих позиций. Нам есть о чем поспорить.

Все это осуществимо. Поэтому нет оснований для пессимизма. Советский театр молод, он выйдет из всех испытаний сильным и обновленным.

В одном из следующих номеров журнала, мы познакомим читателей с ножницами современной цензуры на примере книг Бабеля и Стаднюка и на определении слова «Хрущ».

ПЕРЕЖИТОК КУЛЬТА

Ю. Барабаш, зам. гл. редактора Литературной Газеты, забывая что времена не те, что были, действует как прокурор Сталинских времен. Он неправильно представляет себе вопросы справедливости, берет под защиту «железный» стиль руководства, который был осужден еще XX Съездом. Его статья о Солженицыне дезориентирует читателей. Не понимая сути дела он забывает что крупный талант Солженицына требует бережливости. Барабаш считает справедливым отбирать у людей плоды их работы, предлагает обманывать молодежь. Он не понимает что догматики и карьеристы становятся все слабее. Он хорошо владеет искусством демагогов, прикрывать собственные цели имитацией борьбы за общегосударственные интересы и встает против демократических основ сегодняшней советской жизни.

Вышеприведенная характеристика была дана в форме писем следующими :

Е. Ямпольская, член КПСС с 1917 г., И. Окунева, член КПСС с 1919г., М. Гольдберг член КПСС с 1920г. Л. Резников, доцент Петрозаводского университета, В. Шейнис, расточник Кировского завода, ударник коммунистического труда, Р. Цимеринов, машинист башенного крана.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

Минский спецмагазин № 69, «АВТОМОБИЛЬ»

Для жителей приписанных и живущих в Минске и Минской области, продается свободно автомобиль «Запорожец». Адрес магазина: г. Минск, 2-й Довгобродский переулок, 24.

Кировскому Райсовету требуются рабочие мужчины и женщины на постоянную и временную работу. Приглашаются пенсионеры. Плата труда здельно-прогресивная. Адрес: Проспект Стачек 18, ком. 485, Ленинград.

Сдается комната в русской семье, около Британского музея. ЖС1.

Покупаю редкие издания советских и русских писателей, ЖС2

60-летняя дама принимает студентов для практики русского языка. Ж С 4.

Советская семья ищет знакомства и дружбы с семьей русского происхождения проживающей в Риме. ЖС 6

Русский инженер принимает технические переводы ЖС7.

Русское издательство нуждается в романах и стихах. Авторам выплачивается 50 процентов дохода. ЖС 10

Продается советская библиотека 3000 томов. ЖС 11.

Покупаю старую русскую машинку, ЖС 12

Покупаю фотоаппарат Зорький ЖС 13.

Ищу советского гражданина с которым можно бы было обмениваться книгами. ЖС 14.

Хочу обмениваться марками с Советским Союзом, ЖС 15.

Продаю гитару ЖС 16 .

Предлагаю магнитофонные ленты с джазовой музыкой взамен лент с советскими песнями, ЦК 1

Обмениваюсь туристическими справочниками, ЖС17.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В/О Международная книга сообщает что в 1964 г. выйдут в свет следующие книги:

Международные договоры и соглашения СССР по вопросам гражданства. Сборник документов. Изд. ИМО. 15.000 экз. 24 к. I квартал 1964 г.

Бабадаглы А.Х. **Универсальная расчетная акушерская линейка.** 10.000 экз. 30 к. I кв. 1964 г.

С помощью линейки можно определить сроки беременности и ожидаемых родов. Книга богато и оригинально иллюстрирована. Расчитана на врачей, студентов, учащихся, и приобретает особое значение в период развернутого строительства коммунизма.

«Маршал Тухачевский». Сборник воспоминаний. Воениздат. 70 к. I кв. 1964 г.

В книге показывается как партия умеет ценить своих преданных сынов.

Антинародная сущность абстракционистического искусства. (На укр. языке) 30.000 экз. 8 коп.

Яшина Б. З. **В чем вред абстракционизма.** «Сов. Художник», 50.000 экз. 18 к. II кв. 1964 г.

Борщук В. **«Партийность искусства.»** Госполитиздат 150.000 экз. 6 к. IV кв. 1964 г.

Алексеев Ю. И. **О свободе творчества.** Госполитиздат. 150.000 экз. I кв. 1964 г.

Варшавский А. С. **«Подвиг художника».** (Б-чка «Страницы истории искусства») 100.000 экз. 72 коп. II кв. 1964 г. Книга показывает как на протяжении веков большие художники всегда боролись против невежд и тупых властей проявляя величие духа, большую храбрость и высокую гражданственность. Приводятся примеры из жизни Гойя, Рембрандта, Давида, Репина, Верещагина, Васнецова, Сурикова и др. Книга может быть использована в качестве учебника молодыми художниками.

Все вышеупомянутые, как и любые другие советские книги можно выписывать через журнал СТУДЕНТ. Журнал СТУДЕНТ является единственным западным журналом всецело посвященным распространению советской культуры.